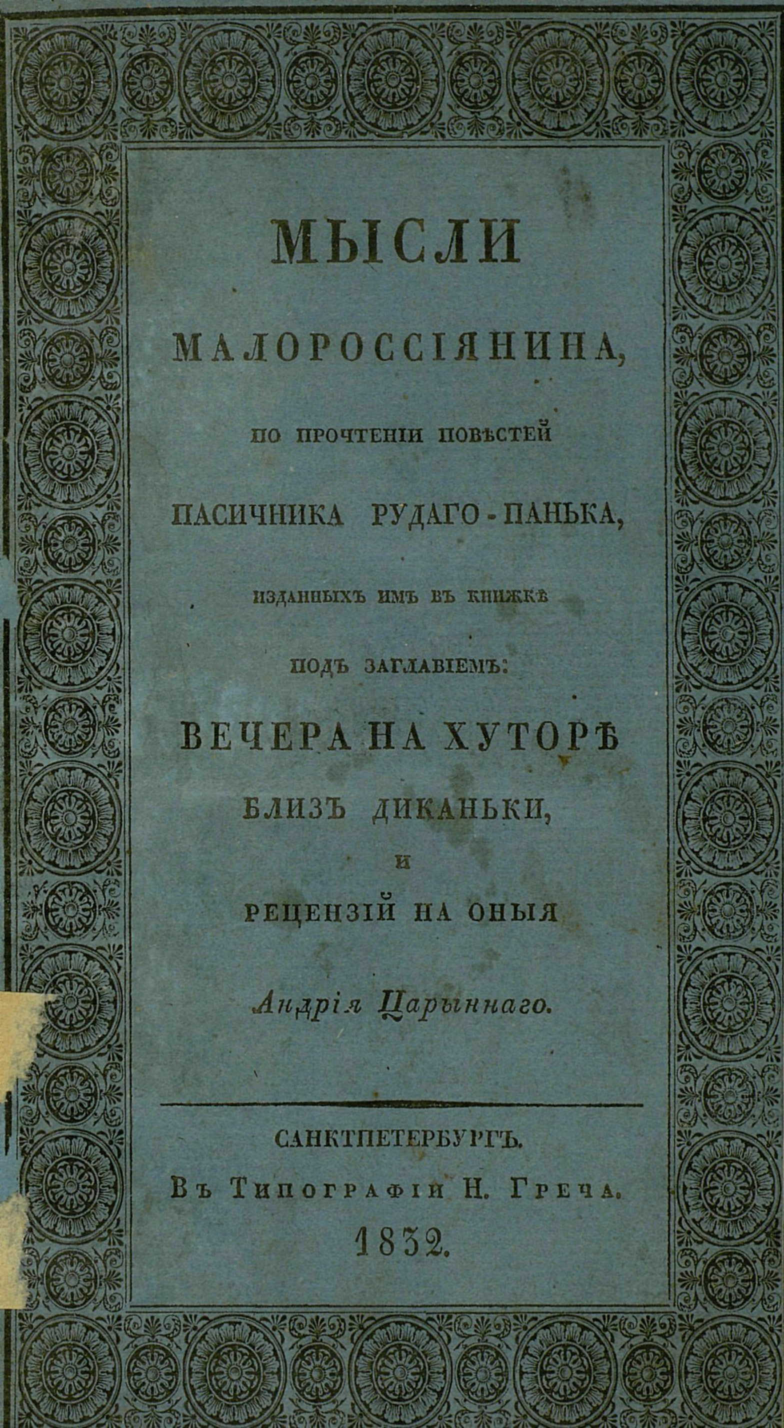

МЫСЛИ

МАЛОРОССІЯНИНА,

ПО ПРОЧТЕНІИ ПОВѢСТЕЙ

ПАСИЧНИКА РУДАГО-ПАНЬКА,

ИЗДАННЫХЪ ИМЪ ВЪ КНИЖКѢ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ

БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ,

И

РЕЦЕНЗІЙ НА ОНЫЯ

Андрія Царынного.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1832.

МЫСЛИ МАЛОРОССІЯНИНА,

по прочтеніи повѣстей

Пасичника Рудаго-Панька,

изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ:

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ,

и рецензій на оныя

Андрія Царынного.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1832.

2007043573

Мысли Малороссіянина, по прочтеніи Повѣстей Пасичника Рудаго-Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, и рецензій на оныя.

Повѣсти, или справедливѣе, сказки Пасичника Рудаго-Панька, появились въ свѣтъ сопровождаемые похвалами Сѣверной Пчелы, и потомъ Литературнаго Прибавленія къ Русскому Инвалиду. Дай Боже здоровья Издателямъ ихъ! — „Вотъ книга,“ — восклицаетъ Рецензентъ въ Литературномъ Прибавленіи No 79 сего 1831 года: „которая „приноситъ большую честь Автору, и вѣр„но принесетъ ему большое спасибо со всѣхъ „сторонъ святой Руси. Рудый Панёкъ,“ говоритъ онъ далѣе: „разсказываетъ безъ вы„чуръ, безъ хитростей,“ — а еще далѣе: „что „лица въ повѣстяхъ его неподмалеваны; нѣтъ „общихъ мѣстъ, тошныхъ и пошлыхъ; проис„шествія не притянуты за волосы, веселость „неподдѣльная, остроуміе не выкрадено.“

Отдавать справедливость похвальнымъ качествамъ человѣка, котораго мы знаемъ, разумѣется, коротко, есть обязанность самая пріятная и не тяжелая; но сдѣлать разборъ какому нибудь и маленькому сочиненьицу, трудно, — а еще труднѣе высказать

справедливыя похвалы оному, и представить читателямъ, съ необходимою критическою отчетностію, тѣ прекрасныя мѣста, кои убѣдили бы каждаго согласиться съ мнѣніемъ потрудившагося надъ разборомъ.

Отвращеніе Г. Рецензента Литературнаго Прибавленія отъ общихъ мѣстъ, производящихъ тошноту, столь же понятно, сколько и хвала его происшествіямъ, непритянутымъ за волосы. Видно, неприкосновенный Рудый Панёкъ разсказами своими слишкомъ ему понравился, когда самъ онъ, будучи такимъ неохотникомъ до общихъ мѣстъ, нашелъ вообще разсказы сіи такими забавными, что не указалъ отдѣльно ни одного лица, ни одного происшествія, заслуживающаго особеннаго вниманія по условнымъ правиламъ рецензіи. Хотя общій обзоръ предметовъ, по заказу, легче разбора оныхъ; но сказки Рудаго Панька требовали послѣдняго, какъ образцовыя, по мнѣнію самого же Рецензента, за кои его Панёкъ заслуживаетъ *большое спасибо со всѣхъ сторонъ святой Руси.*

Я Малороссіянинъ, люблю мою родину, люблю слушать преданія благословенной старины нашей. — Пѣсни, сказки и присказки погружаютъ меня въ пріятныя думы, и вообраafженіе рисуетъ тогда усатыхъ предковъ съ воспѣвавшими подвиги ихъ слѣпцами и раз-

сказчиками былей и небылицъ. — Въ пѣсняхъ отзывается характеръ народа; въ сказкахъ и присказкахъ повѣрья его, и въ послѣднихъ особенно видно желаніе разскащика блеснуть затверженными имъ народными шутками. Лестные отзывы извѣстныхъ Литераторовъ о Повѣстяхъ земляка моего Пасичника такъ были по душѣ мнѣ, какъ бы относились ко мнѣ самому. Знавалъ и я почтенныхъ въ своемъ званіи можно сказать, пустынническомъ, — патріархальномъ, Пасичниковъ, веселыхъ, словоохотныхъ старичковъ: и Стецька, и Грицька, и Панька: но Панёкъ не нашъ! ей ей не нашъ! и изъ трехъ вышепоименованныхъ, каждый, при всемъ миролюбіи своемъ, на кличку: Стецекъ — бы-то, Грицекъ, или Панекъ, конечно отвѣчалъ бы, хотя и подъ сѣдые усы себѣ: *самъ ты Пенекъ*! не разсуждая, что такъ назвалъ его Москаль, никогда неживавшій въ Малороссіи, слѣдовательно неимѣвшій случая слышать *именъ крещеныхъ*, присвоенныхъ у насъ простолюдинами.

О! ни какой у насъ Панько, не погнѣвайтесь, не смолчитъ, если бы назвали его Панекъ. — У насъ панъ-отецъ, какъ мы величаемъ священника, нарекая мальчика Григоріемъ, или Пантелеемъ, обыкновенно привѣтствуетъ родителей, въ угожденіе имъ, съ

новорожденнымъ Грицькомъ или Панькомъ; что повторяетъ и баба, принявшая младенца отъ купели; и такимъ образомъ отъ колыбели до могилы окрещенные въ сихъ, по повѣрью, уменьшенныхъ именахъ, носятъ оные съ тяжелымъ крестомъ житейскимъ.

Печатныя похвалы остроумнымъ Повѣстямъ Пасичника Рудаго-Панька, и самый предметъ, толико близкій сердцу Малороссіянина, расположили меня тотчасъ купить *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*. Пролетитъ непримѣтно, думалъ себѣ, долгій зимній Петербургскій вечеръ; порадуюсь отъ души родному повѣствованію. — И хотя, признаюсь, охлаждала восторгъ рецензія Литературнаго Прибавленія, въ которой *Панёкъ бѣльмомъ кидался въ очи*, ибо неудобно вѣрилось, чтобы коверкающій самое имя Автора могъ выразумѣть и оцѣнить истинное достоинство разсказовъ, принадлежащихъ народу, коего языкъ не совсѣмъ, кажется, знакомъ ему, но письмо славнаго Поэта Пушкина, напечатанное въ сей рецензіи, убѣждало внимать похваламъ и не прочитавши Повѣстей, — что могло случиться на грѣхъ и съ Рецензентомъ. — Кого не увлекалъ геній? — Кто разгадаетъ Протея Пушкина? Можетъ быть, Панько разсказами своими и дѣйствительно угодилъ кратковременной при-

хоти Поэта, который безъ трудовъ, безъ усилій, какъ кажется, подчинилъ богатому своему воображенію и Грацій и Музъ, (исключая нѣкоторыхъ: ибо Малороссійская Кліо не могла быть довольна его Полтавою), и коему наскучило читать въ большой части новѣйшихъ стихотвореній нашихъ рабское себѣ подражаніе и даже хищничество изъ литературнаго его скарбу: необыкновенные таланты имѣютъ необыкновенныя и прихоти.

Редакторъ Журнала: Le Miroir No 35-й, объявляя: que l'auteur (Roudy Panko) décrit les moeurs, les coutumes et le langage des bons habitans de l'Ukraine, и смѣшавши, по нашему сказать, *горохъ съ чечевицею*, говоря: déjà les Romans de M. Zagoskin, les nouvelles de M. M. Pogodin et Somoff, les essais critiques de M. Kotliarewsky, en ont été extraits d'une manière plus ou moins éclatante, mais toujours utile à la langue et à l'esprit national, — также, вмѣсто рецензіи, привелъ въ доказательство достоинствамъ Повѣстей помянутое письмо Г. Пушкина; послѣ сего казалось бы и разсуждать не о чемъ.

Но да позволено будетъ замѣтить, что пародія Энеиды, перелицеванной почтеннымъ Г. Котляревскимъ, какъ торжество Малороссійскаго слова, написана природнымъ Ма-

лороссійскимъ нарѣчіемъ; а Гг. Загоскинъ, Погодинъ, Сомовъ и самъ Рудый-Панько пишутъ по-Русски; слѣдовательно сіи Писатели никакъ не подлежатъ одной категоріи; и поверхностный взглядъ на твореніе послѣдняго изъ нихъ, равно какъ безусловная вѣра геніяльному Поэту, недостаточны для рецензіи.

Видно, Гг. Рецензенты оставили подробный разборъ выхваленныхъ ими Повѣстей, по принадлежности, Малороссіянину, не затрудняя себя тѣмъ, въ чемъ успѣхъ былъ бы сомнителенъ, по незнанію ими, вѣроятно, простаго быта жителей Малороссіи: дѣло хорошее.

Есть конечно Писатели, кои твореніями своими затрудняютъ рѣшеніе вопроса: нужно ли непремѣнно жить для того въ какомъ нибудь краю, чтобы узнать нравы, обычаи и повѣрья народныя? Но такіе фениксы родятся вѣками. — Въ нетерпѣливомъ ожиданіи подобнаго генія, мы, кажется, еще не можемъ, не выѣзжая изъ столицы, изучать народный бытъ столь разнообразныхъ обитателей обширнаго отечества нашего, коихъ навыки и повѣрья составляютъ весь курсъ наукъ, потребный для разумнѣйшихъ изъ нихъ. — Если Панько и содѣлается въ послѣдствіи нашимъ Вальтеръ-Скоттомъ,

чего я отъ всей души ему желаю, то предшествующее сему первое твореніе его не могло, не существуя еще, раскрыть предъ Рецензентами богатый рудникъ народныхъ преданій; а не отвѣдавши, не узнаешь, какая вода и съ самомъ мелкомъ колодезѣ.

Да, пора бы родиться и у насъ Вальтеръ-Скотту. — Да встрѣтится первый взоръ его съ чистымъ небомъ и зеленѣющими равнинами моей любезной родины! Дай Богъ, чтобы опытъ земляка моего, Панька, былъ предвѣстникомъ неутомимыхъ трудовъ и будущей его славы!

Мнѣ не случилось быть въ Шотландіи; не знаю Англійскаго языка: но неподражаемый Вальтеръ-Скоттъ, на крыльяхъ своего воображенія, переносилъ мое въ богатую событіями его родину. Я дѣлался едва ли не землякомъ ему! Читая повѣствованія его о Шотландіи въ переводахъ на другіе языки, казалось, я свыкался, дружился съ описываемыми имъ потомками древнихъ Каледонянъ.

Куплю Вечера на хуторѣ близъ Диканьки! Стыдно не имѣть Повѣстей милой родины. — Прочитать оныя не скоро удастся: ибо, хотя и я заплатилъ Смирдину за годовое чтеніе книгъ изъ его Библіотеки, но самому ѣздить за ними нѣтъ времени, а присылаютъ мнѣ всегда такія старыя годами, и

такія ветхія изъ новѣйшихъ, что и развертывать страшно, дабы не потянулись за рукою листы, превращенные въ трупъ множествомъ читателей.

Случилось, правда, во время холеры, прочитать нѣкоторыя, дорого окупившіяся жертвы просвѣщенію изъ означенной Библіотеки. Они сдѣлались подобными букварямъ, по которымъ обучаютъ грамотѣ дѣтей съ деревянными указками; но жалкое положеніе ихъ, винюсь, истинно меня радовало: ибо оно служитъ неоспоримымъ доказательствомъ безпрестаннаго употребленія; а невѣжественныя приписки и замѣчанія на ветхихъ листкахъ Романовъ Валтера-Скотта суть подтвержденія, что теперь полюбили у насъ чтеніе люди всякаго званія. — Благонамѣренный наблюдатель народнаго просвѣщенія, вообразя цѣну за годовое чтеніе, конечно погрузится въ пріятныя мысли о грядущемъ, и порадуется вмѣстѣ со мною и многими любознанію какого нибудь сидѣльца, откладывающаго 60 руб. въ годъ на такое удовольствіе, которое отецъ сего послѣдняго почиталъ едва ли не наказаніемъ.

Благодаря духу времени и благородному направленію народа великаго, читателей Рускихъ теперь весьма много; отечественная Литература не удовлетворяетъ ихъ вполнѣ,

ограничиваясь весьма не великимъ числомъ Романовъ. Досужіе Писатели наши подчуютъ насъ стишками, легкими, коротенькими повѣстями, а если кто нибудь не полѣнится наполнить такими сочиненіями книжки двѣ, то сія, легко прославившаяся на пустынномъ Парнасѣ нашемъ, братія равняетъ его съ самыми знаменитѣйшими современными Авторами просвѣщенной Европы.

Малороссія, по старинной пословицѣ въ оной: *поймать не поймать, а погнаться можно*, приманивала въ архивъ преданій своихъ и въ юдоль настоящаго житья-бытья, многихъ современныхъ Поэтовъ и Прозаиковъ: но попытки въ описательной Поэзіи и въ изображеніи народности не совсѣмъ удавались. Напримѣръ, въ книжкѣ подъ заглавіемъ: *Малороссійская деревня* — сочиненіе И. Калужинскаго, — сей Авторъ, на стр. 12 и 13, разсказываетъ, будто бы беззаботный Малороссійскій крестьянинъ, не взирая на морозъ и вьюгу, охотно прохаживается въ ближайшую винокурню, дабы тамъ побесѣдовать въ лучшемъ обществѣ, и возвратясь домой, разсказывать о новостяхъ сосѣдней винокурни. Не принималъ ли, полно, Г. Калужинскій, проѣзжая Малороссію, шинковъ за винокурни? Въ первыхъ, дѣйствительно, и

въ самый трескучій морозъ всегда можно сыскать бесѣдующихъ; а вторыя всякой мужикъ обходитъ, какъ говорятъ у насъ, *по за вѣтромъ*. И если бы Г. Калужинскому вздумалось предложить нашему мужичку, не хочетъ ли онъ прогуляться на винокурню, — то конечно получилъ бы въ отвѣтъ: *нехай вона загорится! иды самъ, пане, колы хочешь, въ таке пекло!* Счастливъ помѣщикъ той деревни, въ которой случилось пожить Г. Калужинскому, успѣвшій пристрастить крестьянъ своихъ къ винокурнѣ. — Такая деревня видно одна только и есть во всей Малороссіи: ибо вездѣ, если не по очереди, то за наказаніе посылаются люди въ винокуренные заводы, да и радостей тамъ въ дыму и копоти напрасно бы искалъ празднолюбецъ. — Нѣтъ! Малороссіяне любятъ потреблять горячее вино, но не выкуривать оное для дохода помѣщику, и присвоиваемая имъ охота прохаживаться по винокурнямъ — несбыточна. — Черта сія, такъ счастливо схваченная Авторомъ Малороссійской деревни изъ народныхъ удовольствій, ведетъ къ заключенію и о всей его книжкѣ, а подобныхъ оной, къ сожалѣнію, не мало мнѣ прочитать случилось.

Есть однако же попытки и дѣльныя въ прозаическихъ описаніяхъ простаго быта

Малороссіянъ. Напримѣръ, Г. *Нарѣжный*, царство ему небесное, сочиненіями своими, а особенно *Бурсакомъ*, умѣлъ смѣшить и самыхъ унылыхъ земляковъ моихъ. Я видѣлъ одного умнаго, почтеннаго старика Протопопа, который, читая Бурсака, то смѣялся, то плакалъ отъ избытка чувствъ и душевнаго умиленія. — Старикъ сознавался, что въ Бурсакѣ онъ видѣлъ почти самого себя, и что, воспоминая ученіе свое въ Переяславской бурсѣ, казалось, дѣлался моложе годами 60-тью. „Бурсакъ," говорилъ онъ: „списанъ Нарѣжнымъ съ натуры." — Такіе отзывы — истинная награда Автору!

Жаль, что Г. Нарѣжный писалъ не тепершнимъ, видимо очищающимся Русскимъ слогомъ, и въ выборѣ предметовъ не былъ изыскателенъ. Его Романы отзываются нѣкоторою обветшалостію; но цѣль каждаго выполнена: характеры выдержаны; всякой разсказъ конченъ удовлетворительно; — прочитавши его Романъ, не ожидаешь тщетно продолженія и дополненія оному.

Монастырка А. Погорѣльскаго, родившаяся подъ небомъ Малороссіи, подавала надежды несравненно утѣшительнѣйшія тѣхъ, кои могли представляться по прочтеніи Романовъ Нарѣжнаго; но ожидаемаго продолженія оной понынѣ не явилось на свѣтъ бѣлый; про-

читавши же первую только часть, нельзя судить о цѣломъ сочиненіи. — Дюндикъ съ семействомъ могъ быть заслоненъ другими лицами, ближайшими къ натурѣ, въ слѣдующихъ частяхъ Монастырки. — Неужели и Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки готовится такая же участь, на какую осуждена Монастырка, подобно Вечерамъ симъ всѣми преждевременно расхваленная?

Монастырку, кажется, никто не осмѣлился пугать подробнымъ разборомъ; о Вечерахъ же на хуторѣ близъ Диканьки да позволено мнѣ будетъ, съ чистосердечіемъ земляка, Пасичнику Рудому-Паньку высказать безпристрастное мое мнѣніе.

Г. Полевой, коего рецензіи о нашихъ литературныхъ издѣліяхъ бываютъ большею частію самыя удовлетворительнѣйшія, хотя иногда и весьма рѣзкія, *въ Московскомъ Телеграфѣ* No 17 сего 1831-го года, оцѣнилъ по силамъ своимъ и по достоинству, высокопаренія въ слогѣ Пасичника Рудаго-Панька, и тѣмъ избавилъ меня приниматься не за свое дѣло. — Будучи просто читателемъ, я не берусь ничего говорить удовлетворительнаго о слогѣ вообще въ разбираемыхъ мною Повѣстяхъ моей родины. — Мнѣ онъ кажется также какою-то смѣсью: *высокопаренія къ сладострастному куполу*, (какъ Авторъ

Повѣстей называетъ на стр. 1-й твердь небесную), *съ земнымъ разгульемъ по ярмаркѣ*. Если бы не было этого заносчиваго паренія по поднебесью, то слогъ Панька еще болѣе соотвѣтствовалъ бы предметамъ его разсказовъ. Но ежели такая разнообразность въ слогѣ именно и понравилась извѣстнымъ нашимъ Литераторамъ, то я долженъ ограничиться въ такомъ случаѣ пословицею: *ученымъ и книги въ руки*! Признаюсь однако жъ, что выраженія въ 1-й Повѣсти, подъ заглавіемъ *Сорочинская ярмарка* (въ 1-й главѣ стр. 2-я): „звонкій громъ перепела, хорошенькая дочка „съ черными бровями, ровными дугами, под-„нявшимися надъ свѣтлыми карими глазами „(стр. 5): засверкали огненныя, одѣтыя хо-„лодомъ искры — (стр. 7): обдавая шумомъ „окрестность. (стр. 8)," *не показались мнѣ* прекрасными: ибо перепелинаго грому я не слыхалъ; искръ, одѣтыхъ холодомъ, вообразить не умѣю, и чтобы кого, вмѣсто воды, обдавали шумомъ, мнѣ видѣть не случалось. Но въ сей же самой главѣ, которую я началъ разбирать по порядку, есть дѣйствительно картины живописныя; напр: „Горы „горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно „двигались, кажется, скучая своимъ заключе-„ніемъ и темнотою; мѣстами только какая „нибудь расписанная миска, или макитра,

„хвастливо выказывалась изъ высоко-взгро„можденнаго на возу плетня, и привлекала „умильные взгляды поклонниковъ роскоши.“ (стр. 3). Или: „Небо, зеленые и синіе лѣса, „люди, возы съ горшками, мельницы, все опро„кинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, „не падая въ голубую прекрасную бездну“, (стр. 9). — Сія послѣдняя картина, представившаяся дѣвушкѣ, невыѣзжавшей изъ своего скучнаго села, — безподобна.

Но слогъ, какъ я выше сказалъ, не мое дѣло; объ немъ я намѣренъ только говорить мимоходомъ. Мнѣ хочется представить на судъ читателей: выполнилъ ли землякъ мой, Пасичникъ, принятую имъ, какъ кажется, на себя обязанность познакомить ихъ съ народными нашими *повѣстями*, — обычаями и повѣрьями?

Всякой, кто только живалъ въ Малороссіи, согласится со мною, что у насъ, встрѣчаешь ли на пути крестьянина или крестьянку, каждый и каждая изъ нихъ поклонится и скажетъ народное привѣтствіе: *помогай би*! т. е. помогай, Боже (*)! но когда, — на счастье, — повстрѣчаешься съ молодою, (невѣстою), которая, въ сопровожденіи поющихъ подругъ своихъ, ходитъ по селу просить на свадьбу, (что бываетъ обыкновенно

(*) Или *добродень*, а въ вечеру: *добровечеръ*.

въ Субботу, ибо только въ Воскресенье празднуются у насъ свадьбы), то она, кланяясь въ поясъ, проговоритъ заученное привѣтствіе можетъ быть со временъ Гетмановъ: полтора Павла, или полтора — кожуха: „*проситъ батько и маты, и я прошу на хлѣбъ, на соль и на веселье.*“ — Сіи условныя въ народѣ, простыя вѣжливости говорятъ въ пользу нравовъ его (*). Всякая страна имѣетъ обычаи и повѣрья, собственно ей принадлежащія. Разсматривающій ихъ въ Малороссіи найдетъ характеры народа, прежде воинственнаго, заслуживающими особеннаго наблюденія; найдетъ въ Малороссіянинѣ, въ одно и то же время, мрачность и беззаботную веселость, доброту и упрямство, безкорыстіе и неуступчивость въ самой бездѣлицѣ, если дѣло коснется до собственности, почтительность къ старшему, — строгое сохраненіе приличій и простоту въ обращеніи, молчаливость и словоохотность, простосердечіе и хитрость. Источники всѣхъ таковыхъ разнообразныхъ качествъ сокрываются въ разныхъ эпохахъ треволненнаго прежде существованія жителей Малороссіи, то защищавшихъ оное съ оружіемъ въ рукахъ,

---

(*) Увидимъ ниже встрѣчу, описанную Панькомъ въ началѣ первой его Повѣсти.

то несшихъ тяжкое иго, налагаемое на нихъ сильнѣйшими. И теперь, по незапамятному обычаю, сабля и изображенiе Святой Троицы изъ трехъ восковыхъ свѣчъ, связанныхъ вмѣстѣ бѣлымъ убрусомъ, или полотнищемъ, и украшенныхъ вокругъ василькамн, вѣчно зеленѣющимся барвинкомъ и другими цвѣтами, составляютъ нѣкiй символъ свадебнаго обряда, безъ коего и самая свадьба не была бы вполнѣ торжественною. Сiе соединенiе Святой Троицы съ саблею обыкновенно ставится въ переднемъ углу, въ которомъ сажаютъ за столомъ молодыхъ послѣ вѣнца; — такая эмблема Христiанскаго воина есть вещь истинно священная въ народѣ. — И теперь каждый Малороссiйскiй казакъ желаетъ, чтобы и по смерти его знали, что онъ родился, жилъ въ семъ званiи, и умеръ въ ономъ. — Случалось ли вамъ видѣть, проѣзжая мимо сельскаго кладбища въ Малороссiи, бѣлыя хоругви на деревянныхъ крестахъ, поставленныхъ на могилахъ покойниковъ? Значки сiи ставятся сестрами, женами, или невѣстами умершихъ казаковъ, какъ послѣдняя дань памяти свободнаго ихъ состоянiя, — для различiя отъ могилъ и крестовъ, подъ которыми покоится крестьянинъ, умершiй подданнымъ помѣщика.

Обычаи сiи принадлежатъ воинственно-

му духу старины, а слѣдующій анекдотъ заставитъ подумать, какъ далеки теперешніе жители Малороссіи отъ ссоръ, безъ явныхъ и побудительныхъ причинъ къ онымъ.

Въ 1813 году, въ блокадномъ Корпусѣ подъ крѣпостью Замостьемъ, случалось содержать конные пикеты и Полтавскимъ казакамъ, по очереди съ Донскими. Нѣсколько времени протекло безъ всякаго особаго происшествія на форпостахъ, расположенныхъ не близко отъ крѣпости. Слухъ Полтавцевъ привыкъ къ отдаленнымъ выстрѣламъ; осажденные не дѣлали вылазокъ, и ничто не нарушало безпечности казаковъ, покуривавшихъ себѣ трубки, лежа противъ солнца на курганахъ, занимаемыхъ ихъ ведетами. — Случилось наконецъ, что къ двумъ такимъ передовымъ стражамъ внезапно прискакали изъ крѣпости два непріятельскихъ, лихихъ всадника. Одинъ изъ казаковъ вскочилъ тотчасъ на коня и пустился, преслѣдуемый непріятельскимъ всадникомъ, къ своему резерву, а другой не успѣлъ взобраться на лошадь, какъ наскакавшій на него усатый лихачъ нанесъ ему три удара саблею прямо въ лицо, отъ коихъ бѣдный козачина повалился на землю. Послѣ сего непріятель ускакалъ, боясь быть отрѣзаннымъ. — Подняли раненаго. Всѣ обступили его кругомъ; посы-

пались вопросы товарищей, какимъ образомъ изувѣчилъ его такъ проклятый? *Не жалко бъ было*, отвѣчаетъ раненый, *если бы то я ссорился или бранился съ бусурманомъ, а то, не давши даже распроситься, началъ меня полосовать; чтобъ ему не было добра, чтобъ его слезы мои побили. За что бы, кажется, изувѣчить чуть-чуть не на смерть!*" Раны же въ самомъ дѣлѣ были самыя легкія.

Анекдотъ сей я слышалъ отъ самовидца, по увѣренію его. Хотя весьма невѣроятно, чтобы раненый казакъ былъ подобнымъ олухомъ, какими землякъ мой Панько наполнилъ свою Сорочинскую ярмарку, но и въ самомъ анекдотѣ видна характерическая черта нашего простолюдима, всегда далекаго отъ ссоры безъ причины, — какъ выше сказано.

Но пора мнѣ приняться за разборъ разсказовъ Рудаго-Панька. — Да простятъ милостиво читатели истинно невольныя отступленія отъ главнѣйшаго предмета. Кто не заговорится, если дѣло идетъ о любезной родинѣ? Посмотримъ теперь встрѣчу парубка съ проѣзжими.

Молодые парубки у насъ не напиваются до-пьяна; они стараются казаться скромными, отдаютъ должное почтеніе всякому старшему лѣтами; вся гульба ихъ состоитъ въ

вечернихъ пѣсняхъ и прогулкахъ по селу: лѣтомъ, отъ одной группы дѣвушекъ, собирающихся на вечера (вечерницы) подъ открытымъ небомъ, къ другой; а зимою отъ одной избы до другой, куда дѣвушки собираются, какъ говорится по нашему, *на досвитки*, т. е. чтобы зимній вечеръ провести вмѣстѣ и повеселиться съ парубками, а вставши до свѣта прясть, и за гребнемъ, можетъ статься, думать о суженомъ. — При такихъ условіяхъ въ поведеніи парубковъ нашихъ, статочное ли дѣло, чтобы какой нибудь изъ нихъ, порядочно одѣтый, имѣющій, какъ видно изъ словъ самого Панька, хозяйство, (стр. 10), готовый пожертвовать имъ за поцѣлуй приглянувшейся ему дѣвушки, — ни за что, ни про что, видя первый разъ въ жизни пожилую женщину, сидящую съ прекрасною дѣвушкою на возу, тотчасъ привѣтствовалъ первую бранью: „А вотъ впе„реди и дьяволъ сидитъ!“ — Съ чѣмъ это сообразно? И могло ли такое привѣтствіе поднять со всѣхъ сторонъ хохотъ? Послѣ сего, невинно обруганная начала бранить негодяя, — и по дѣломъ, — въ такихъ выраженіяхъ, какія Русскому Паньку вошли только въ голову; обоюдныя ругательства лились обильною рѣкою, въ заключеніе коихъ разгульной парубокъ пустилъ комъ грязи въ

голову напрасно обиженной имъ, забрызгалъ ей очипокъ, — и будто бы сіе буйство удвоило хохотъ.

Не знаю, чему тутъ можно смѣяться, и что тутъ остроумнаго. Такъ безчинствуютъ одни лишь горькіе пьяницы, а парубки у насъ, какъ я выше замѣтилъ, не напиваются до-пьяна. *Такого гульвиса громада* (*) *заразъ бы отдала въ солдаты, безъ очереди.* — *О! громада* (какъ говорится у насъ) — *великій человѣкъ* !

Сію минуту принесли мнѣ No 94 Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду. *Письмо къ Издателю оныхъ, о Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки, о критикѣ на нихъ Г. Полеваго и о прочемъ,* — однимъ заглавіемъ симъ произвело на меня самое непріятное впечатлѣніе. — И такъ я напрасно просидѣлъ цѣлый день, излагая мысли мои по прочтеніи, не весьма повеселившихъ меня Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки! Напрасно затруднялъ себя разборомъ 1-й главы *Сорочинской ярмарки!* — Вѣрно какой нибудь извѣстнѣйшій Литераторъ написалъ полную рецензію Повѣстямъ Пасичника Рудаго-Панька, послѣ чего куда уже простому Малорос-

---

(*) Общественное собраніе поселянъ, мірская сходка.

сіянину съ его мыслями? — Но прочитавши означенное письмо, успокоился. — Въ письмѣ семъ нѣтъ ни какой рецензіи. — Оно наполнено обыкновенными привѣтствіями Литературныхъ Прибавленій Издателю Московскаго Телеграфа.—Это *пересмѣшникъ*, который веселитъ небольшой кружокъ своихъ читателей; старая пѣсня, и на старый ладъ! Нечего мнѣ останавливаться. Посмотримъ II-ю главу *Сорочинской ярмарки*.

Эпиграфъ написанъ по-нашему, по-Малороссійски; но всѣ мы, обращаясь къ Господу Богу, говоримъ: Боже Господи! а не Господе! — Видно, Панько употребилъ, вмѣсто *и*, *е*, по нарѣчію своего хутора.

Панько начинаетъ II-ю главу такъ: „Вамъ „вѣрно случалось слышать *гдѣ-то валящійся* „*отдаленный водопадъ*,“ — потомъ говоритъ, что на ярмаркѣ народъ *сростается*, *гогочетъ*, *гремитъ*! Выраженія сіи ни Русскія, ни Малороссійскія. Ярмарка же описывается имъ живо. Напримѣръ: (стр. 14.) „Ломается возъ, „звенитъ желѣзо; гремятъ сбрасываемыя на „землю доски, и закружившаяся голова недо- „умѣваетъ, куда обратиться.“ Прекрасно! Но пьяный Жидъ, *дающій бабѣ какого-то киселя*, лице и дѣйствіе неправдоподобныя — и на ярмаркѣ. Въ главѣ сей, извѣстный уже намъ, слишкомъ разгульной парубокъ, герой

Повѣсти, видится съ извѣстною же намъ дѣвушкою — *съ черными бровями, равными дугами, поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами*, и только.

Въ III-й главѣ Панько разсказываетъ, какъ будто и по-нашему; появившаяся *красная свитка* — забавна; но *его солопій Черевикъ*, еще невѣроятнѣйшій олухъ раненаго казака, о коемъ слышанный анекдотъ помѣщенъ мною выше, а дочка Черевикова какая-то оглашенная! Первый разъ отъ роду на ярмаркѣ, — первый разъ въ жизни видимъ разгульнаго парубка, который пустилъ комомъ грязи въ мачиху, сидѣвшую съ нею на возу, и тотчасъ обнимается съ нимъ.

Воля твоя, земляче Паньку, а у насъ всякая молоденькая дѣвушка имѣетъ стыдъ и страхъ Божій, и подобный поступокъ невѣроятенъ! А еще невѣроятнѣе, чтобы парубокъ, какой бы онъ ни былъ *гульвисъ*, встрѣтившись въ первый разъ въ жизни съ пожилымъ человѣкомъ, не зная даже, откуда онъ, кинувши прежде грязью въ жену, началъ, въ слѣдъ за тѣмъ середи ярмарки, сватать дочь его прямо своею особою, и чтобы человѣкъ сей (хотя бы и олухъ солопій Черевикъ) тотчасъ согласился принять его въ свое семейство. — Нѣтъ, это не ладно, ей, ей не ладно! Притомъ, самъ скажи: видано ли у насъ, чтобы тесть

съ нареченнымъ зятемъ запивали руку на руку (сватовство) *могорычъ*, какъ говоришь ты, и чтобы первый въ священномъ санѣ отца, видя: ,,какъ нареченный зять его налилъ ,,кружку, величиною въ полкварты, и ни мало ,,не поморщившись выпилъ ее до дна," — сталъ говорить своей дочери, въ похвалу жениху ея: ,,что скажешь, Параска? какого ,,я тебѣ жениха досталъ! — смотри, смотри: ,,какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!"

Не знаю, откуда вся эта по нашему *нисенитница*, т. е. ни се, ни то, Паньку на умъ вспала! У насъ сватовство происходитъ заведеннымъ издревле порядкомъ, и порядкомъ торжественнымъ. Родители, намѣревающіеся женить парубка, имѣя на примѣтѣ для него невѣсту по ихъ мыслямъ, избираютъ двухъ пожилыхъ мужчинъ, почетнѣйшихъ въ родствѣ своемъ, слѣдовательно и въ селѣ, (ибо едва ли не всѣ жители каждаго селенія считаются роднею, разумѣя кумовство, сватовство и проч.) и упрашиваютъ, чтобы они приняли на себя трудъ высватать невѣсту за сына ихъ. — Тогда избранные, называемые *старостами*, идутъ съ хлѣбомъ и солью къ родителямъ первой, дѣлаютъ предложеніе, въ выраженіяхъ общихъ, и когда оное бываетъ принято благосклонно, старосты перевязываются черезъ плечо ручниками (полотен-

цами), приготовляемыми для того невѣстою; и чрезъ нѣкоторое время женихъ, а потомъ родители обѣихъ сторонъ, посѣщая другъ друга, и считаясь уже сватами, условливаются на счетъ свадьбы. Ни какой парубокъ у насъ самъ собою не сватается, хотя бы онъ былъ и круглымъ сиротою, а всякой избираетъ и посылаетъ старостъ; принимающіе же на себя сію обязанность, играютъ весьма важную роль и на свадьбѣ. Они наблюдаютъ за неупустительнымъ исполненіемъ всего свадебнаго церемоніяла, ими начинаются тосты, по ихъ распоряженію играетъ музыка, т. е. скрипка или двѣ, а иногда и съ цимбалами или басомъ, и по мѣрѣ ихъ затѣйливости всѣ пируютъ и веселятся.

О! сватовство у насъ, свадьбы, *грище* (или танцовальныя деревенскія собранія, для коихъ на Рождество Христово парубки дѣлаютъ складчину, выбираютъ изъ себя Атамановъ и Эсауловъ, нанимаютъ музыку на цѣлую недѣлю, а дѣвушки сносятъ все ими *заколядованное*) и другія народныя увеселенія заключаютъ въ себѣ много интересной старины! — По любви къ родинѣ, мнѣ бы хотѣлось все это описать; но статья сія была бы весьма велика, и для многихъ, не Малороссіянъ, не занимательна; а потому и откладываю описаніе народныхъ празднествъ до

другаго времени. О колядѣ же считаю нужнымъ сдѣлать маленькое поясненіе:

У насъ, въ Малороссіи, въ вечеру на первый день праздника Рождества Христова, по незапамятному обычаю, въ селахъ, мальчишки, дѣвочки, дѣвки, парубки и наконецъ женщины и пожилые мужчины, составляя партіи по возрастамъ и полу, ходятъ отъ одной хаты до другой по всему селу, поютъ куплеты, придуманные, можетъ быть, еще во времена язычества, что и носитъ на себѣ древнее наименованіе *колядьі*. За таковое пѣніе каждая партія получаетъ отъ хозяевъ хаты, по возможности послѣднихъ: колбасы, сало, кныши или боханцы (родъ хлѣбовъ пшеничныхъ и гречневыхъ), иногда по нѣскольку грошей, а нѣкоторые изъ зажиточнѣйшихъ хозяевъ подчиваютъ женщинъ и пожилыхъ мужчинъ и горѣлкою. Все, такимъ образомъ заколядованное дѣвушками, какъ я выше сказалъ, сносится ими въ ту хату, въ которой учреждается *грище*, и послѣ танцевъ употребляется для закусокъ собранія.

Виноватъ, опять я заговорился. — Эти родные обычаи и старина противъ воли лѣзутъ въ голову; но и *Сорочинская ярмарка* не выходитъ изъ оной.

Въ эпиграфѣ IV главы сей Повѣсти есть также промахъ. Славный Поэтъ Малороссіи,

Г. Котляревскій, конечно не написалъ въ своей Энеидѣ:

Хоть *чоловикамъ* не онее, да коли жинци бачишь тее, — а вѣрно написано имъ:

Хоть чоловикъ и не онее, — но въ этомъ можетъ быть и не Панько виноватъ; а вотъ нижеслѣдующее его работы:

„Ну, жинка!" — началъ Черевикъ, — „а я „нашелъ жениха дочкѣ!"

„Вотъ какъ разъ до того теперь," отвѣчаетъ Хивря: „чтобы жениховъ отыски„вать. Дуренъ, дуренъ!" (Стр. 24) И дѣльно, я то же скажу. На ярмаркѣ добрые люди что нибудь продаютъ или покупаютъ, а не ищутъ жениховъ межъ народомъ, Богъ-знаетъ, откуда наѣхавшимъ! Не диво попасть на какого нибудь сорванца, какъ случилось и съ Черевикомъ. — Похвала парубку, который духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись, и притомъ тому самому, который *заклеилъ образину* (стр. 36) Хиври, — по всей справедливости озлила сію послѣднюю. Она, право, мало еще бранила такого глупца, какъ ея Черевикъ; но выраженіе ея: „куда же ты „запряталъ дурацкіе глаза свои," (стр. 25) — опять ни Русское, ни Малороссійское.

Въ V-й главѣ продолжается живое описаніе ярмарки, и Цыганъ нарисованъ яркими красками; но какъ онъ, коему „одна только

„награда есть на землѣ висѣлица" (стр. 31), бродяга скитающійся по всей Россіи; то и не имѣетъ мѣста въ картинѣ, представляющей народный быть честныхъ и богобоязливыхъ коренныхъ жителей Малороссіи.

Цыганы, шатаясь по бѣлу-свѣту, гадаютъ, лгутъ и обманываютъ легковѣрныхъ; но какимъ образомъ этотъ висѣльникъ узналъ настояще, что парубокъ въ бѣлой свиткѣ, коего зовутъ, какъ намъ сдѣлалось наконецъ извѣстно, Грицькомъ, навязалъ себѣ невѣсту (стр. 29) — тутъ необходима развязка.

Свиданіе въ VI главѣ Хиври съ новымъ лицемъ, поповичемъ: какъ, для кого? Въ описаніи же онаго Панько не мудритъ, — и лучше.

Въ VII-й главѣ опять показалась *страшная уже красная свитка.* „Это быстро раз„неслось по всѣмъ угламъ утихнувшаго *та„бора.*" Ярмарку таборомъ у насъ никто не называетъ. Таборъ у насъ издревле лагерь; никто также не говоритъ: *продавица бубликъ* (стр. 38), а всякой Малороссіянинъ, или Русскій скажетъ: продавица бубликовъ; слѣдовательно и это ни по-Русски, ни по-Малороссійски. За то хвастовство кума (стр. 41), „что сатана? плюйте ему на голову! „хотя бы сію же минуту вздумалось ему „стать вотъ здѣсь, напримѣръ, предо мною:

„будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы „ему дулю подъ самый носъ!“ — выражено истинно по-нашему; и разсказъ его о красной свиткѣ — вообще интересенъ. Жаль только, что я читалъ когда-то подобный анекдотъ о духѣ въ скляночкѣ, въ собраніи сказокъ подъ пышнымъ заглавіемъ книги: *Вѣкъ рыцарства.*

Въ VIII-й главѣ, поповичъ, любовникъ Хиври, спрятавшійся между платьемъ, развѣшаннымъ на доскахъ, подъ потолкомъ кумовой хаты, падаетъ въ то самое время, когда общество напугано уже было свиною рожей, выставившейся въ разбитое окно, и страхъ усугубляется. Это натурально, хотя и не ново. „Но ползущаго человѣка въ су„доргахъ, подъ подолъ своей супруги,“ (стр. 51) — доселѣ еще никто не представлялъ въ печатной Русской книжкѣ, и такая новость не всякому можетъ нравиться.

Въ IX-й главѣ: „баба взлѣзла на человѣ„ка (стр. 54),“ — то былъ Солопій Черевикъ и его Хивря, выбѣжавшіе изъ кумовой хаты, при общемъ испугѣ, и коихъ Цыганы нашли ночью на улицѣ въ такомъ положеніи. Въ X-й, — разбуженный женою Черевикъ хотѣлъ умыться, первая подала ему ручникъ; но вмѣсто онаго очутился *красный*

обшлагъ свитки. Въ слѣдъ за симъ, Черевикъ началъ было продавать вышеописанному Цыгану свою кобылу, которая вдругъ исчезла у него изъ рукъ; осталась одна только узда, и привязанный къ оной кусокъ *краснаго рукава*! Такія неимовѣрныя чудеса заставили его снова бѣжать, куда глаза глядятъ. Въ XI-й главѣ ловятъ Солопія Черевика сговорившіеся парубки, коими предводительствуетъ извѣстный намъ Грицько; вяжутъ его какъ вора, вмѣстѣ съ кумомъ, неизвѣстно для чего, также ими пойманнымъ, а въ XII-й, Грицько ихъ освобождаетъ съ условіемъ, чтобы Солопій отдалъ за него дочь свою, на что сей соглашается, и съ тѣмъ еще, чтобы въ тотъ же день была свадьба. Главу сію заключаетъ помянутый Цыганъ, говоря: „что, Грицько, худо мы сдѣлали свое дѣло?" — Какимъ образомъ узналъ Цыганъ, какъ мною выше замѣчено, о неудачномъ сватовствѣ Грицька? Кто перепугалъ бесѣдовавшихъ въ хатѣ у кума, выставя, въ разбитое кѣмъ-то окно, свиную рожу? — Какимъ чудомъ, среди бѣлаго дня, у Черевика, не слѣпаго, вдругъ исчезла изъ рукъ кобыла, и осталась въ нихъ одна только уздечка, съ привязаннымъ къ оной кускомъ краснаго сукна? или вмѣсто ручника очутился красный обшлагъ? Земляку моему Панъку не угодно было объяс-

нить всего этого, и вмѣсто развязки стольким чудесамъ, онъ предоставилъ намъ, какъ кажется, догадываться, что всѣ сіи фокусы продѣланы Цыганомъ. — Такъ вотъ для чего онъ замѣшалъ его между Малороссіянами! Намѣреніе ладно; но мало ли кто что думаетъ, и не выполняетъ! Въ XIII-й главѣ, дочь Черевикова грустно мечтаетъ о своемъ любезномъ парубкѣ; вдругъ вздумалось ей танцовать и пѣть одной въ хатѣ; въ то самое время входитъ отецъ, глядитъ на дочь, „слы„шитъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ „зашевелились, гордо подбоченившись высту„пилъ онъ впередъ, и пустился въ присяд„ку." (стр. 72) *Цуръ, дурню*! сказалъ бы ему всякой, но кумъ его ограничился однимъ хохотомъ. — Эдакихъ олуховъ Паньку довелось знать между степенными поселянами нашими! Гдѣ видано, гдѣ слыхано, чтобы батько пошелъ у насъ въ присядку передъ дочкою? Да сколько же лѣтъ Солопію Черевику, выдающему дочь замужъ? Конечно больше сорока; ибо у насъ не слишкомъ рано женятся, а подъ пятьдесятъ присѣсть можно, — ни слова, да каково-то встанешь? Другое дѣло ударить *тропака* подъ пьяную руку, а въ присядку пусть парубки пляшутъ!

Дурень Черевикъ присядкою началъ сва-

дебный пиръ, ибо въ слѣдъ за тѣмъ: „Отъ „одного удара смычкомъ музыканта въ сер„мяжной свиткѣ, все неслось, — все танцо„вало“ (стр. 74).

И такъ свадьба затѣялась и совершилась на ярмаркѣ. Это даже неправдоподобно! Возможно ли, чтобы поселяне Малороссіи, строго наблюдающіе обычаи, освященные временемъ, такой торжественный обрядъ, какъ свадьба, стали праздноватъ среди ярмарки, пріѣхавши на оную для продажи пшеницы и кобылы? Развѣ Солопій и Хивря Цыганы, неимѣющіе своей собственной хаты? Развѣ у нихъ и у дочки нѣтъ ни роду, ни племени? Развѣ всѣ они и женихъ не Христіане православные, а дѣйствительно Цыганы невѣрные, безпріютные? Нѣтъ, брате Паньку! первая Повѣсть твоя, подъ заглавіемъ *Сорочинская ярмарка*, не доведена до ладу, хотя и есть въ оной мѣста хорошія. Посмотримъ слѣдующую: *Вечеръ на канунѣ Ивана Купалы*.

Эта Повѣсть, по правдѣ сказать, разсказана такъ, хоть бы и не Пасичнику Рудому Паньку. Слогъ ровный, нѣтъ ничего высокопарнаго, планъ Автора выполненъ. Словомъ сказать, Повѣсть сія вообще прекрасна. Хотѣлось было уже приняться за другую; да чтобы не подумали, что я только пробѣжалъ Вечеръ на канунѣ Ивана Купалы, подо-

бно многимъ рецензентамъ журнальнымъ, — касаюсь, противу желанія моего, къ нѣкоторымъ пестрѣющимъ мѣстамъ гладкой Повѣсти. Въ самомъ лучшемъ цвѣтникѣ, при всемъ попеченіи объ ономъ, проскакиваютъ иногда стебельки бурьяну, которые тотчасъ и выдергиваются.

На страницѣ 86, Панько говоритъ: *провозить попа въ рѣшетѣ, значитъ по-нашему солгать на исповѣди.* Нѣтъ! У насъ стращаютъ предъ исповѣдью, разумѣется, дѣтей тѣмъ, что за грѣхи попъ наложитъ покуту (эпитимію) возить себя въ рѣшетѣ вокругъ церкви; но что было поводомъ такой выдумки въ народѣ, я не могъ добиться толку. На стр. 96 сказано, будто бы понамарь каждый день отправляется съ кошелькомъ по церкви. Всякому извѣстно, что въ деревенскихъ церквахъ не каждый день бываетъ служеніе. (На стр. 107): — „Вѣдьма топну„ла ногою: синее пламя выхватилось изъ зе„мли; середина ея *все* освѣтилась.“ Здѣсь должна быть описка, или опечатка. А вотъ тутъ (стр. 109) выходитъ что то, совсѣмъ уже не гладко. Только что *Петрусь*, проснувшись отъ двухъ-дневнаго сна, послѣ ужасной для него ночи, въ которую онъ пролилъ кровь невиннаго младенца, увидѣлъ у ногъ своихъ мѣшки съ золотомъ, въ ту са-

мую минуту откуда ни взялся Коржъ, (слишкомъ невѣжливо проводившій его изъ сѣней отъ своей дочери, когда онъ не имѣлъ ничего кромѣ сѣрой свитки), и разнѣжился передъ нимъ. Какимъ образомъ, мгновенно, можно сказать, узналъ Коржъ, что Петрусь вдругъ такъ разбогатѣлъ? Откуда взялась также внезапно Пидорка, дочь Коржа, и невѣста Петруся? „Дивно только показалось „Пидоркѣ,“ говоритъ Панько: „когда стала „разсказывать, какъ проходившіе мимо Цы„ганы украли Ивася,“ брата ея. Кому стало дивно: ей ли, или кому другому? — не угадаешь. Не менѣе загадочно равнодушіе Коржа, лишившагося любезнаго сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нѣжно заботящагося о прогнанномъ имъ Петрусѣ, осмѣлившемся въ бѣдности цѣловать дочь его. Обстоятельства сіи требуютъ поясненія.

Преданіе себя Петрусемъ во власть сатаны за золото, и убійство, совершенное имъ, — отвратительно въ сей Повѣсти; но описаніе такихъ ужасовъ теперь въ ходу. — Фаустъ Гёте, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, Жуковскаго, и еще нѣкоторыя Повѣсти и Баллады, взбѣленили многихъ; и слабымъ подражаніямъ нѣтъ конца, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней! Сюда однако же нейдетъ Вечеръ на канунѣ

Ивана Купалы. — Пусть подобныя вечера только пишутся; за читателями у насъ теперь дѣло не станетъ.

Третья Повѣсть, подъ заглавіемъ: *Майская ночъ, или Утопленица.*

Въ этой сказкѣ Панько опять началъ, выражаясь его же словомъ, изъ эпиграфа къ сей Повѣсти, *мудроватьца.*

„Было то время,“ говоритъ онъ: „когда „утомленные дневными трудами и заботами, „парубки и дѣвушки шумно собирались въ „кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, вы„ливать свое веселье въ звуки.“ — Выливать веселье въ звуки, выраженіе совершенно новое, и, какъ мнѣ кажется, не весьма счастливое. — „Съ бандурою въ рукахъ пробирался „ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой „казакъ Левко.“ — Вотъ я и подумалъ: вѣрно это какой-нибудь бандуристъ; но дочитавши до точки, и узнавши, что то былъ „сынъ Головы“ (стр. 119 и 130), — не могу не спросить Панька, гдѣ онъ видѣлъ своего виртуоза. У насъ играютъ на бандурѣ или слѣпые, или казачки, выученные на семъ инструментѣ, для утѣхи праздныхъ паничей и пановъ. — Другое дѣло на балалайкѣ; на оной и у насъ бренчатъ многіе парубки, — а чтобы сынъ почетнаго казака и притомъ Головы, управляющаго волостью, изъ нѣсколь-

кихъ тысячъ душъ состоящею, — ходилъ съ бандурой по улицамъ, — это не похоже на дѣло. — Но и то правда: что село, то и обычай! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ на хуторѣ, гдѣ живетъ Панько, есть молодой казакъ, играющій на бандурѣ. Подошедши къ хатѣ своей любезной, Левко восклицаетъ: „Галю, Галю! ты спишь, или не хочешь ко „мнѣ выйти? Ты боишься вѣрно, чтобы насъ „кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ „быть, показать бѣлое личико на холодъ!“— Изъ предъидущаго всякой видитъ, что сіе происходитъ въ лѣтній вечеръ, „когда синѣетъ теплое Украинское небо,“ какъ сказано въ послѣдствіи, — о какомъ же холодѣ Левко толкуетъ? „Я прикрою тебя свиткою,“ продолжаетъ онъ: „обмотаю своимъ „поясомъ.... Но если бы и повѣяло холодомъ, „я прижму тебя по-ближе къ сердцу, отогрѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои „бѣленькія ножки. — Сердце мое, рыбка моя, „*ожерелье*!“— Экія нѣжности влагаетъ Панько въ уста сельскаго любовника, и въ выраженіяхъ, притомъ, ни Русскихъ, ни Малороссійскихъ, а пуще всего, *ожерелье* поставитъ хоть какого Левка въ тупикъ.

Но вотъ вышла къ Левку и Галя; „обвитая сумерками, и потопивъ въ него свои „очи“ (стр. 132 и 733), говоритъ ему, между

прочимъ: „я тебя люблю, чернобровый казакъ! за то люблю, что у тебя карія очи... „что привѣтливо моргаешь ты чернымъ „усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, „поешь и играешь на бандурѣ и любо слушать тебя" (стр. 134). Чтобы наша поселянка, хотя бы она была *обвитая и сумерками*, изъясняла любовь свою въ подобныхъ выраженіяхъ, сего никто не докажетъ — ссылаюсь на всѣхъ земляковъ моихъ! Нѣтъ! выраженія сіи конечно взяты изъ пѣсни, дѣвушка же наша отвѣчала бы вмѣсто всякаго многословія, — просто: *Левусю, серденько, и я люблю тебя*! — Вотъ языкъ сердца! А чтобы сынъ сказалъ про отца роднаго: „притворился старый хрѣнъ" (стр. 135), этого быть не можетъ.

Левко и Галя, любовники, какъ мы видимъ, изъяснивши не по-нашему взаимныя чувствованія, пустились въ разговоры: о звѣздочкахъ, о высотѣ небесной, о деревѣ и о лѣстницѣ, по которымъ Богъ сходитъ на грѣшную землю нашу, и наконецъ Галя, или лучше сказать, Пасичникъ Рудый-Панько, витійствуетъ за нее: „какъ тихо колышется вода, будто дитя въ люлькѣ, и указывая „на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ „кленовымъ лѣсомъ, и оплакиваемый вербами, „потопившими въ немъ жалобныя свои вѣт-

„ви. Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ „въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое, „темное небо, обсыпая ледяными поцѣлуями „огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли „среди теплаго океана ночнаго воздуха, какъ „бы предчувствуя скорое появленіе блиста- „тельнаго царя ночи.“ (стр. 137). — Кого Панько уподобляетъ безсильному старцу? Ей ей! не скоро догадаешься! Да и вся сія высокопарность натянута. Холодныя объятія, ледяные поцѣлуи, и вмѣстѣ съ тѣмъ теплый океанъ ночнаго воздуха, рѣяніе звѣздъ и проч. — мудрено, витіевато! Это ли языкъ простенькой поселяночки Гали?

Но вотъ, по просьбѣ ея, Левко началъ сказку, заключающуюся въ повѣсти объ нихъ, (т. е. объ Левкѣ и Галѣ), которая оканчивается также сказочно. — „Ну, слушай“ говоритъ Левко.... „У сотника была дочка, ясная „панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое ли- „чико. Сотникова жена давно уже умерла; „задумалъ сотникъ жениться на другой. Бу- „дешь ли ты меня нѣжить по старому, „батьку, когда возьмешь другую жену? Буду, „моя дочка.“ (Стр. 139). — Мнѣ кажется, не лишнее было бы тутъ вписать послѣ вопроса, что оный сдѣланъ дочкою сотника; но Панько любитъ оставлять многое на догадку читателя.

Сказку, разсказываемую Левкомъ по нашему, просто и занимательно, прервала *ватага парубковъ*, изъ коихъ каждый поцѣловалъ Галю, и она скрылась въ хату. — Сцена сія списана съ натуры; въ этомъ надобно отдать полную справедливость Паньку. Далѣе, Украинская ночь изображена имъ также прекрасно, исключая повтореній: „Божественная ночь! очаровательная ночь!“ кои пестрятъ слогъ безъ всякой надобности; „а „величественный *громъ* Украинскаго соловья,“ — нарушаетъ общую пріятную дремоту: лучше, ежели бы онъ пѣлъ, какъ поютъ всѣ соловьи на свѣтѣ.

Разговоръ съ самимъ собою пьянаго Каленика и путешествіе его по селу, разсмѣшатъ хоть кого. — Признаюсь, я хохоталъ отъ души, и воображалъ себя среди любезной Малороссіи: такъ живо, такъ натурально изображенъ Панькомъ Каленикъ, танцующій гопака не въ попадъ, и бранящій, между тѣмъ, Голову. „Я самъ себѣ голова. Вотъ, „убей меня Богъ! Богъ меня убей! Я самъ „себѣ голова. Вотъ что, а не то что...“ Безподобно! кажется, какъ будто самъ, увлеченный любопытствомъ, слѣдуешь за Каленикомъ, и глядишь, какъ онъ, „подходя къ „первой, попавшейся ему хатѣ, въ пьяномъ „раздумьѣ, остановился передъ окошкомъ, и

„скользя пальцами по стеклу, старается „найти деревянную ручку двери; кажется, „слышишь крикъ его: баба, отворяй! Баба „живѣй, говорятъ тебѣ, отворяй! казаку „спать пора.“ (Стр. 148 и 149.)

Но въ описаніи Головы, хотя и есть черты характеризирующія лице сіе, но есть и несообразности. Воспоминаніе Головы при всякомъ случаѣ, „когда блаженной памяти „Великая Царица Екатерина ѣздила въ „Крымъ; когда онъ былъ выбранъ въ провожатые; цѣлые два дня находился въ этой „должности, и даже удостоился сидѣть на „козлахъ съ Царицынымъ кучеромъ,“ — принадлежитъ не ему одному, а всему народу. Какъ часто мнѣ самому случалось слышать отъ современниковъ сего торжественнаго путешествія незабвенной Монархини, сыпавшей благодѣтельною десницею милости и благотворенія на любезный ей народъ свой! Какъ часто я видѣлъ слезы умиленія и благодарности, блиставшія сквозь убѣленныя временемъ рѣсницы признательнаго поселянина! Но обратимся къ Головѣ. „О, это важное лице на селѣ!“ — говоритъ Панько.

Не въ одномъ селѣ, а въ цѣлой волости, должно бы сказать.

„Кто бы изъ парубковъ, продолжаетъ онъ: „не захотѣлъ быть Головой?“ (стр. 150.)

— Это все то же, что сказать: кто бы изъ канцеляристовъ Повѣтоваго Суда не захотѣлъ быть Губернскимъ Маршаломъ? или кто бы изъ Писателей-Романистовъ нашихъ не захотѣлъ содѣлаться вдругъ знаменитымъ Вальтеръ-Скоттомъ? Волостныя Головы избираются въ Малороссіи изъ казачьяго званія, люди самые почетнѣйшіе, пріобрѣвшіе довѣріе лѣтами и опытностію, въ каковомъ избраніи парубки, т. е. молодые неженатые люди, даже и голоса не имѣютъ. Откуда же родится мысль въ головѣ парубка быть Головою? а о томъ, что будетъ подъ старость, конечно ни одинъ изъ нихъ въ простомъ земледѣльческомъ быту своемъ такъ далеко не мечтаетъ.

О! Голова у насъ дѣйствительно лице весьма важное между поселянами. Онъ ближайшій ихъ начальникъ, покровитель, и любимыя въ волостяхъ Головы, по истинѣ, могутъ гордиться своимъ званіемъ, что нѣкоторые себѣ и позволяютъ, чувствуя собственное достоинство.

Мнѣ разсказывалъ одинъ изъ современниковъ путешествія Великой Екатерины по южнымъ провинціямъ, слѣдующій анекдотъ, увѣряя въ истинѣ онаго:

Назначенный Губернаторъ, проѣзжая мѣстечко Рѣшетиловку въ дождливое время,

принужденъ былъ сойти съ экипажа, увязшаго въ грязь по самыя ступицы, и шелъ пѣшкомъ, разумѣется, не въ веселомъ расположеніи духа. На встрѣчу ему попадается человѣкъ высокаго роста, съ длинными, сѣдыми усами, въ синей кирееѣ, съ видлогою (*), подбитою алымъ сукномъ, въ высокой сивой шапкѣ изъ Крымскихъ барашковъ, наклоненной на лѣвую сторону, и съ длинною камышевою палкою съ большимъ серебрянымъ набалдачникомъ. Губернаторъ остановилъ важно шествующаго по грязи и глядящаго въ верхъ Малороссіянина, началъ бранить дорогу, сердиться на безпорядокъ въ мѣстечкѣ; досталось тутъ и Коммиссару, неисправившему мостковъ и гатей для проѣзда Его Превосходительства, и наконецъ грозно спросилъ встрѣтившагося съ нимъ и стоявшаго передъ нимъ въ шапкѣ, равнодушнаго слушателя брани: „Да ты что, десятской что-ли?" —„Подымай выше!" возразилъ казакъ съ досаднымъ хладнокровіемъ, не дотрогиваясь до высокой своей сивой шапки, и оперщись подбородкомъ на серебряный набалдачникъ трости. — „Ну, выборный? говори же!" продолжаетъ Губернаторъ. — „Подымай еще вы-

(*) Кирея родъ широкаго чекменя, а видлога родъ капишона.

ше, если хочешь!" повторяетъ казакъ, съ тѣмъ же непоколебимымъ хладнокровіемъ. — Да кой-же ты чортъ," сказалъ наконецъ еще болѣе разсерженный Губернаторъ: „Голова, что-ли?" — Послѣ сего казакъ, поправивъ усы, скинулъ шапку, поклонился въ знакъ согласія, примолвивъ: „такъ, по выбору честной громады!" и помолчавши нѣсколько, спросилъ въ свою очередь: „а вы, пане, кто?" — „Ты видишь! — Вижу," прервалъ Голова: „что панъ; да у насъ есть множество пановъ, да еще и сердитыхъ!" и снова надѣлъ шапку, и надвинулъ ее къ самымъ сѣдымъ бровямъ своимъ. „Я Губернаторъ! — слышишь ли?" Услышавъ сіе, Голова ни сколько не смѣшался; опять скинулъ почтительно шапку, поклонился въ поясъ по обычаю, и послѣ обыкновеннаго привѣтствія, сказалъ Губернатору: „Давно бы такъ сказали, добродію! а то вы гнѣвались, — а мнѣ и не въ догадъ, что вы новый начальникъ; старый нашъ Губернаторъ, поздоровь его Боже! всегда былъ такой милостивый ко мнѣ старому; проѣзжая Рѣшетиловку, всегда бывало отдыхалъ въ моей смиренной хатѣ, кушалъ борщъ и кашу, изготовленные моею невѣсткою; да благословитъ его Господь милосердый на всякомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ни обрѣтается! То-то былъ панъ добрый! Разъ, проѣзжая мѣстечко наше

въ самую грязь, такъ же какъ и ваша милость, карета, знаете, тяжелая, лошади стали, — ни съ мѣста, онъ, милостивецъ нашъ, пришелъ ко мнѣ весь въ поту, тащившись болѣе версты пѣшкомъ по грязи; пока я успѣлъ надѣть жупанъ, а онъ уже — потребовавъ воды, умылся, и встрѣтилъ меня съ обычною своею ласковостію. Ну, говоритъ, Кирило, что у васъ за грязь такая? Нельзя ли какъ нибудь подгатить дорогу? — Не можно, добродію! отвѣчалъ я; мѣстечко, знаете, *сидитъ* на болотѣ; сегодня подгатимъ, а завтра опять будетъ такая же грязь, только еще гуще, такъ, что парою добрыхъ чумацкихъ воловъ и порожняго воза не вытянешь. — Вели же скорѣе послать пары двѣ воловъ къ моей каретѣ. Да мы, добродію, карету вашей милости на себѣ вытащимъ! Тутъ я заразъ раздѣлся, чтобы способнѣе было и самому похлюпаться въ грязи, кинулся за людьми, — глядь, — а карету народъ почти на рукахъ тащитъ. Услыхали, изволите видѣть, что добрый нашъ Губернаторъ загрузъ, такъ и безъ зову кинулися и старый и малый. Мы, знаете, люди простые; для такихъ пановъ, которые насъ жалуютъ, ради и въ огонь и въ воду. — Старый Губернаторъ, примѣтя межъ толпою свою карету, позвалъ народъ къ моей хатѣ,

приказалъ было принесть ведра два горѣлки, и я насилу упросилъ его позволить мнѣ поподчивать добрыхъ людей, да и самому выпить на здоровье его милости. При семъ случаѣ гуляли мы, прошу покорнѣйше простить, отъ обѣдней поры до самаго вечера." — Тутъ новый Губернаторъ, человѣкъ умный, остановилъ Кирила, снялъ шляпу, и просилъ, чтобы и его полюбили такъ, какъ предмѣстника его. — Имѣяй уши слышати да слышитъ! Могій вмѣстити, да вмѣститъ! присовокупилъ къ сему разскащикъ съ двусмысленною улыбою.

Изъ анекдота сего можно сдѣлать заключеніе о волостныхъ Головахъ нашихъ, и о томъ, какъ они о себѣ думаютъ. Посмотримъ же теперь опять Голову, представляемаго Панькомъ.

Сынъ Головы, Левко, разставшись съ товарищами, хотѣлъ еще разъ попрощаться съ Галею; подходитъ къ ея хатѣ, видитъ, что Галя стоитъ съ какимъ-то высокимъ человѣкомъ, и спрятавшись за дерево, слышитъ, что она произнесла его имя. „Левко? „Левко еще молокососъ! говорилъ хрипло вы-„сокій человѣкъ. Если я встрѣчу его ко-„гда нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ..." Досадно было сіе Левку, однако же ему хотѣлось подслушать, что будетъ говорить

далѣе. — „Незнакомецъ продолжалъ такъ „тихо, что нельзя было ничего разслушать. „Какъ тебѣ не стыдно! сказала Ганна, по „окончаніи его рѣчи. Ты лжешь, ты обма- „нываешь меня; ты меня не любишь; я нико- „гда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!" — Какова же Ганна! Кто бы подумалъ, что она такая кокетка? Левко долженъ бы рваться отъ досады и ревности! Но разговоръ ея оставленъ Авторомъ безъ развязки, какъ будто онаго и вовсе не происходило. Влюбленный Левко ничего не видалъ тутъ дурнаго, — а разсердившись за одного только себя, хотѣлъ было дать треуха незнакомцу, „и остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ „стоялъ отецъ его," имѣвшій свиданіе съ Ганною: поясненіе сіе необходимо, ибо безъ онаго можно подумать, что Голова очутился передъ сыномъ случайно, и что Ганна разговаривала съ какимъ-нибудь другимъ высокимъ человѣкомъ. — Послѣ сего Ганна поспѣшно опять влетѣла въ хату. Голова, разогнавши парубковъ, повиснувшихъ ему на шею, принимая его въ темнотѣ, разумѣется, за Ганну, отправился домой, — а Левко сталъ кричать: „Гей хлопцы! сюда! сюда! „махая рукою къ парубкамъ, которые вновь собирались въ кучу (Стр. 159). Услышать крикъ и ночью, не диковина; но увидѣть ма-

ханіе рукою, тогда, какъ высокій Голова могъ показаться молоденькою дѣвушкою, — мудрено; въ этомъ всякой со мною согласится.

Раздосадованный Левко уговариваетъ собравшихся парубковъ побѣсить хорошенько отца своего, „попередѣвавшись, кто во что ни попало,“ учитъ ихъ спѣть пѣсню, которая какъ нарочно сложилась въ умѣ его про Голову; — и вся ватага отправляется для исполненія сего, ни съ чѣмъ несообразнаго предложенія въ отношеніи сына къ отцу родному.

Нѣтъ! до такого соблазна въ Малороссіи не дошли еще дѣти наши! Изъ обстоятельства сего видно, что Панько не довольно вникнулъ въ характеры земляковъ своихъ!

Гостящій у Головы винокуръ, лице презабавное. Панько изобразилъ намъ его прекрасно; но разсужденіе самого Головы: „что „за дурни, прости Господи, эти Нѣмцы! Я „бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слы„ханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было „кипятить что! — По этому, ложку бор„щу нельзя поднести къ рту, не изжаривши „губъ, вмѣсто молодаго поросенка?“ — мнѣ кажется не удачно, а особливо заключеніе. Къ чему тутъ прилѣпленъ молодой поросенокъ? За то разсказъ винокура: какъ одинъ захожій, у тещи его, удавился галушкою, и

послѣ того, будучи мертвецомъ, не давалъ ей покою, садясь всякой вечеръ верхомъ на трубу ея хаты, съ галушкою въ зубахъ — истинно комическое повѣрье народное.

Пѣсня, пропѣтая парубками подъ окномъ у Головы, сложенная сыномъ сего послѣдняго, не дѣлаетъ чести трубадуру: во многихъ простонародныхъ пѣсняхъ Малороссійскихъ гораздо болѣе складу, нежели въ семъ смѣшеніи нарѣчій Малороссійскаго съ Русскимъ. Въ самыхъ первыхъ двухъ стихахъ:

„Хлопцы слышали ли вы?
„Наши ль головы не крѣпки!"

не доберемся толку, — а третій стихъ во второмъ куплетѣ, и печатать бы не слѣдовало. Но какъ пѣсня сія сложилась вдругъ въ головѣ огорченнаго, и онъ не изъ привилегированныхъ Поэтовъ, то и разбирать ее далѣе не для чего.

Дерзость парубковъ и пѣсня, въ которой, по замѣчанію винокура, „они поминали „Голову, не совсѣмъ благопристойными словами..." — разсердили сего послѣдняго. Выскочивши на улицу, онъ схватилъ человѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ тулупѣ съ длинною бородою и съ размалеванною рожею, и потащилъ его въ сѣни. Переряженный такимъ образомъ человѣкъ, „не оказывая ни какого сопротивле-

„нія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ будто въ свою хату.“ (Стр. 174.) „Десятскій „забренчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ „въ сѣняхъ и отворилъ камору. — Въ это „самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою „сѣней, вдругъ вырвался съ *необыкновенною* „*силою* изъ рукъ его.“ Прошу замѣтить необыкновенную силу пойманнаго. — „Куда? „закричалъ Голова, ухвативъ его еще крѣпче „за воротъ. Пусти, это я! слышался тонень„кій голосъ. Не поможетъ! не поможетъ, „братъ! вскричалъ Голова. — Визжи себѣ „хоть чортомъ, не только бабою, меня не „проведешь! и толкнулъ его въ темную ка„мору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ, „упавши на полъ.“ (Стр. 175.)

Послѣ сего подвига Голова съ прочими отправился къ писарю, который попался имъ на встрѣчу, и разсказалъ, что и онъ поймалъ переряженаго такимъ же образомъ человѣка, и заперъ его въ той хатѣ, гдѣ *держутъ* колодниковъ. Тутъ начался споръ между писаремъ и головою о томъ, у кого сидитъ переряженный сорванецъ. „Давайте огня! огонь „принесли, дверь отворили, и Голова ах„нулъ отъ удивленія, увидѣвъ предъ собою „свояченицу,“ живущую у него, которая и напустилась за то, что онъ, схвативши ее желѣзными своими лапами, толкнулъ въ

камору. „Счастіе, говорила свояченица, „что не ударилась головою объ желѣзный „крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это „я?“ (Стр. 178.)

„Да, я вижу, что это ты!“ сказалъ Голова, очнувшись. „Что скажешь, панъ пи-„сарь; не шельма ли этотъ проклятый со-„рви-голова.“

„Шельма, панъ Голова.“ (стр. 179).

Все сіе происходитъ, какъ видно, въ домѣ Головы, куда всѣ они вѣроятно возвратились, хотя Авторъ и не объяснилъ сего, равномѣрно какъ не объяснилъ онъ и того, какимъ образомъ очутилась въ рукахъ Головы свояченица его, вмѣсто схваченнаго имъ переодѣтаго парубка?? и вышла совершенная путаница, *нисенитница* — по нашему.

Здѣсь я долженъ замѣтить еще, что у насъ вовсе нѣтъ въ обыкновеніи, при разговорѣ, величать другъ друга паномъ. Это если и было, такъ было очень давно, и то между дворянами, когда еще оставались въ памяти Польскіе обычаи, исчезшіе теперь въ народѣ, старающемся *закидывать* иногда, какъ говорится у насъ, по-Московски. Но посмотримъ, кого-то найдутъ Голова съ писаремъ, винокуромъ и десятскимъ, въ той хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ.

„Двери отворились, и... Голова сталъ

„блѣденъ, какъ полотно; винокуръ почув„ствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хо„тѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился „въ лицѣ писаря, десятскіе приросли къ зе„млѣ, и не въ состояніи были сомкнуть „*дружно* разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ „ними стояла свояченица.“ (Стр. 183.) Ее приняли за сатану.

„Огня! живѣе огня! закричалъ голова. За„жигай хату, чтобы и костей чортовыхъ не „осталось на землѣ! „Что вы, братцы! гово„рилъ винокуръ; слава Богу, волосы у васъ „чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не „нажили: отъ простаго огня вѣдьма не заго„рится! Только огонь изъ люльки можетъ „зажечь оборотня. Постойте, я сей часъ „улажу! Сказавши это, высыпалъ онъ горя„чую золу изъ трубки въ пукъ соломы, и „началъ раздувать ее. Отчаяніе придало „въ это время духу бѣдной свояченицѣ, гром„ко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

„Постойте, братцы! зачѣмъ напрасно „грѣха набираться; можетъ быть, это не „сатана, сказалъ писарь. Если оно, то есть „то самое, которое сидитъ тамъ, согла„сится положить на себя крестное знаме„ніе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ. „Предложеніе одобрено. Чуръ меня, сатана! „продолжалъ писарь, приложась губами къ

„скважинѣ въ дверяхъ: если не пошевелишься „съ мѣста, мы отворимъ дверь.

„Дверь отворили.

„Перекрестись! сказалъ Голова, оглядываясь назадъ, какъ будто выбирая мѣсто въ „случаѣ ретирады.

Свояченица перекрестилась, (стр. 183. 184 и 185), и разсказала имъ уже на сей разъ: „какъ схватили ее хлопцы въ охапку на ули„цѣ и не смотря на сопротивленіе, опу„стили въ широкое окно хаты и заколоти„ли ставнемъ.“

Надобно догадываться, что чрезъ сіе самое окно вылѣзъ и парубокъ, пойманный писаремъ. Но зачѣмъ эта свояченица, испытавши уже не малый страхъ въ своей каморѣ, опять выбѣжала на улицу? или въ происшествіе сей повѣсти дѣйствительно замѣшался сатана?

Какъ бы то ни было, но винокуръ и писарь списаны съ народныхъ характеровъ живыми красками. Панько представилъ намъ ихъ мастерски. Жаль, что онъ торопился, какъ видно; а отъ того въ забавной его картинѣ есть мѣста, неотдѣланныя окончательно, въ чемъ онъ и самъ, полагаю, согласится безпрекословно.

Левко, виновникъ всей этой суматохи, ускользнувши отъ десятскихъ, и не забо-

тясь объ нихъ болѣе, присѣлъ отдохнуть у пруда, и чуть было не заснулъ тутъ; но, ободрившись, началъ любоваться природою, описываемою Панькомъ въ семъ мѣстѣ слогомъ весьма пріятнымъ, и близкій къ разрушенію, старинный господскій домъ показался Левку великолѣпнымъ. „Сквозь чистыя стекла мелькала позолота." Это уже слишкомъ; у насъ и теперь такихъ домовъ мнѣ видѣть не случалось, а Левку и во снѣ не можетъ присниться; ибо онъ о подобномъ великолѣпіи, будучи казакомъ - земледѣльцемъ, конечно не имѣетъ ни какой идеи. Изъ окошка выглянула привѣтливая головка съ блестящими очами. Такимъ образомъ началось продолженіе сказки о сотниковой дочери, которая утопилась черезъ злую свою мачиху, и сдѣлалась начальницею утопленицъ.

Левко видитъ, какъ утопленицы играли въ хороводѣ передъ своею повелительницею; сія проситъ его узнать между ними ея мачиху, принявшую видъ ихъ, чрезъ невѣдомое присутствіе коей, первая „не можетъ плавать легко и вольно, какъ рыба, а тонетъ „и падаетъ на дно, какъ ключъ."

Въ игрѣ утопленицъ *въ ворона*, Левко узнаетъ мачиху, и указываетъ ее. За сію услугу повелительница вручаетъ ему записку, которую онъ схватилъ и. . . проснулся.

Слѣдовательно, Левку все это грѣзилось; — посмотримъ. Между тѣмъ надобно сказать, что сказка объ утопленицѣ взята изъ повѣрья народнаго, и разсказана занимательно.

Теперь оканчивается повѣсть, вмѣшанная въ означенную сказку, или въ которую сказка вмѣшана; ибо подъ заглавіемъ: Утопленица, Панько вмѣстилъ и народную сказку, и повѣсть о волостномъ Головѣ, его сынѣ и любезной послѣдняго. Два сіи предмета, происходящіе отъ двухъ различныхъ обстоятельствъ, въ концѣ сказки или повѣсти соединяются какою-то волшебною силою.

Левко, какъ я выше замѣтилъ, во снѣ получилъ записку отъ старшей утопленицы; но проснувшись, дѣйствительно нашелъ въ рукѣ своей записку, которую, исполняя приказаніе утопленицы, подалъ сыскавшему его, отцу своему, Головѣ.

По разсмотрѣніи записки писаремъ, оказалось, что она была написана рукою Коммиссара.

Чуду сему нѣтъ ни какой развязки; оно осталось чудомъ, какъ для насъ, такъ и для самого Левка; записка же была слѣдующаго содержанія:

„Приказъ Головѣ, Евтуху Макогоненку.

„Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ,

„вмѣсто того, чтобы собрать прежнія не-„доимки и вести *на селѣ* порядокъ, одурѣлъ „и строишь пакости. А въ слѣдствіе того, „приказываю тебѣ сей же часъ женить тво-„его сына, Левка Макогоненка, на казачкѣ „изъ вашего села Ганнѣ Петриченковой,“ и проч. Коммиссаръ, отставной Поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій.

Изъ записки сей всякой Малороссіянинъ видитъ, что Пасичнику Рудому-Паньку никогда не удавалось читать приказы Комисара по волостямъ.

Подобные, распорядительные приказы пишутся у насъ Коммиссарами въ Волостныя Правленія, а не на имя Головъ, въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться, заглянувши въ дѣла любаго волостнаго правленія, проѣзжая Малороссію; да если бы какому нибудь Деркачу и вздумалось бранить письменно Голову дуракомъ, и приказывать ему женить тотчасъ сына, то за брань голова принесъ бы письменную же жалобу, — а приказаніе показалось бы ему шуточнымъ; ибо оно дѣйствительно весьма смѣшное и несообразное съ дѣломъ.

Значеніе волостныхъ, а не одного села Головъ, (каковыхъ въ селѣ не бываетъ, развѣ бы оно состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ), и мнѣніе ихъ о себѣ я описалъ выше

для того, чтобы самъ землякъ мой, Панько, убѣдился теперь въ томъ, что онъ не все знаетъ въ Малороссіи, и что ему нужно, намѣреваясь описывать нравы и обычаи жителей ея, болѣе вникнуть въ сіи предметы, богатые для наблюдательнаго Писателя.

Вышесписанный приказъ Коммиссара такъ подѣйствовалъ на Голову, что сей послѣдній на другой же день назначилъ обвѣнчать сына своего Левка Макогоненка, съ Ганною Петриченковою. Симъ и оканчивается повѣсть или сказка: Майская ночь, или Утопленица. — За нею слѣдуетъ быль. *Пропавшая грамота.*

Эту быль Панько слышалъ отъ дьячка ***ской церкви.

Послѣ весьма хорошо придуманнаго вступленія, дьячекъ началъ разсказывать, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ его *въ дурня* (въ дурачки). Тутъ тотчасъ пришло мнѣ на мысль заглавіе одной книжечки презабавной: Быль не быль, однако же и не сказка, и я остановился на томъ, какое бы заглавіе было прилично такой были, въ которой описывается игра въ карты обыкновеннаго человѣка съ вымышленными въ народѣ вѣдьмами? Но вспомнивши остроумную рецензію въ No 243 Сѣверной Пчелы, на Повѣсть Александра Шидловскаго: *Гребенской казакъ*,

— переставилъ слова и вышло: Не сказка, однако же и не быль. Почему бы Паньку свою быль прямо не назвать сказкою, когда она есть въ самомъ дѣлѣ сказка? такъ нѣтъ, теперь и самыя заглавія должны быть загадочны. Не лучше ли бы держаться того правила, чтобы содержаніе книги опредѣляло заглавіе оной? Юрій Милославскій, и т. п., носятъ названія Романовъ, незаключающія въ себѣ ничего изысканнаго; но слогъ, предметы, вошедшіе въ составъ ихъ, дѣлаютъ сіи простыя заглавія неизгладимыми въ памяти, вмѣстѣ съ именами Авторовъ.

Но обратимся къ дьячку, или лучше къ дѣду его, игравшему нѣкогда съ вѣдьмами въ дурня. Дѣдъ этотъ былъ грамотный, а въ тогдашнія времена, т. е. назадъ тому лѣтъ за 80 или около того, если вѣрить дьячку, „собравши всего Батурина грамотѣевъ, „то нѣчего и шапки подставлять, въ одну „горсть можно было всѣхъ уложить.“ Шапка для сего и горсть должны-бы были быть такія, какихъ ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ написать: ибо во время пребыванія Гетмановъ Малороссійскихъ въ Батуринѣ, молодые дворяне со всей Малороссіи, грамотные, стекались въ сію резиденцію Гетмана, чтобы начать при немъ службу, и чтобы, пройдя съ перомъ въ рукахъ всѣ мытарства

канцелярскія, со временемъ быть Сотниками и такъ далѣе, перемѣняя въ послѣдствіе перо на саблю, сообразно обстоятельствамъ службы.

17-го Февраля 1750 года избранъ послѣднимъ Гетманомъ Малороссіи Графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій, и ему дозволено было жить въ Батуринѣ; ибо съ 1708 года (когда 9 Ноября Батуринъ былъ преданъ огню и мечу), послѣ избранія Гетманомъ Ивана Скоропадскаго, какъ онъ, такъ и слѣдующій за нимъ Гетманъ Даніилъ Апостолъ, со всѣми управленіями Малороссійскаго края, равно какъ и управленія сіи, между избраніями Гетмановъ, имѣли пребываніе свое въ Глуховѣ.

Не трудно рѣшить, когда было болѣе грамотѣевъ въ Малороссіи, (не только что въ Батуринѣ), во время ли Гетмана или теперь, принявши въ соображеніе, что тогда Малороссіяне, имѣвшіе дорогу къ почестямъ и достоянію на родинѣ, не многіе искали сего въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, и что теперь, напротивъ того, чувство собственнаго достоинства и бѣдность заставляютъ большую часть (сказать по нашему) голыхъ земляковъ моихъ искать въ столицѣ хлѣба, а оперившись, и почестей. И такъ, я полагаю, всякой согласится, что

при Гетманахъ было болѣе въ краѣ у насъ грамотѣевъ, нежели въ настоящее время, когда они разсѣялись по всему обширному Русскому Государству.

Посему дьячекъ, вмѣняя въ такое большое достоинство дѣду своему грамотность, не сообразился съ обстоятельствами времени. Равномѣрно не сообразился онъ, или передающій намъ сказку его, Пасичникъ Рудый Панько, и въ томъ, чтобы Гетманъ Разумовскій посылалъ къ Царицѣ грамоту съ верховымъ гонцемъ, и чтобы выборъ гонца палъ на такого простака, который зашилъ бы грамоту въ шапку.

Всѣ сіи обстоятельства описаны Панькомъ не въ духѣ того времени, (имѣющаго весьма немного разницы съ настоящимъ). Отправленіе гонца его должно было случиться непремѣнно въ Гетманство Разумовскаго, какъ я замѣтилъ выше: ибо грамота была къ Царицѣ; при Императрицахъ же Екатеринѣ I (*) и Аннѣ Іоанновнѣ, Гетмановъ въ Малороссіи не было; слѣдовательно грамота сія отправлялась къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, или къ Екатеринѣ Великой; а въ царствованія сіи

(*) Гетманъ Скоропадскій скончался 3 Іюля 1722 года, а избранъ послѣ него Гетманомъ Апостолъ, 1 Октября 1727 года.

существовали уже вездѣ учрежденныя почты. Послѣ сего верховой курьеръ, зашивающій грамоту къ Царицѣ въ шапку, не покажется ли всякому смѣшнымъ? Противу сего и самъ Панько, подумавши хорошенько, вѣрно не будетъ спорить.

Если въ какомъ нибудь романѣ, или повѣсти, Авторъ касается лицъ или обстоятельствъ, которыя имѣютъ свое время, онъ обязывается справляться съ тѣмъ временемъ. Это необходимое условіе. Повторяю, что землякъ мой Панько слишкомъ торопится. Ежели онъ мечтаетъ когда нибудь содѣлаться нашимъ Вальперомъ-Скотомъ (чего, да позволено мнѣ будетъ опять чистосердечно пожелать ему), то конечно согласится, прочитавши всѣ сочиненія сего знаменитаго Шотландскаго Романиста - Историка, въ томъ, что хотя Вальтеръ - Скотъ славенъ уже и просто романами, но еще славнѣе соблюденіемъ въ оныхъ вѣрно историческихъ преданій и современности.

Верховой гонецъ, о которомъ я долженъ былъ говорить, можетъ быть, и слишкомъ долго, прибылъ, какъ повѣствуетъ внукъ его дьячекъ, въ Конотопъ (*), на самую ярмарку. Яр-

(*) Стоитъ взглянуть на почтовую карту, и всякой увидитъ, что посланный къ Царицѣ даже дороги не зналъ изъ Батурина на сѣверъ: ибо не-

марка сія подобна Сорочинской, и также хорошо описана Панькомъ, какъ и послѣдняя; на Конотопской читатель видитъ такихъ же: и перекупку съ бубликами, и Цыгана, и пьяныхъ гулякъ; слѣдовательно и говорить объ ней нечего. Расторопный гонецъ, шатаясь по ярмаркѣ, познакомился съ Запорожцемъ, и уговорились за попойкою ѣхать вмѣстѣ съ приплетшимся къ нимъ третьимъ гулякою. Запорожецъ, разсказывая имъ на пути диковинныя исторіи и присказки, съ наступленіемъ ночи притихъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ, и открылся, наконецъ, что душа его давно продана нечистому, и что въ ночь эту срокъ молодцу! Гонецъ ни сколько не струсилъ, и они ѣхали далѣе. Показался огонекъ, подъѣхали къ повалившемуся на одну сторону шинку, остановились въ ономъ, выпили еще *треть ведра* горѣлки, и легли спать. Гонецъ, дѣдъ дьячка, долго бодрствовалъ; но крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый; проснувшись же, не нашелъ ни Запорожца, ни коней; нечего дѣлать, пошелъ пѣшкомъ. „Хватился за шапку и шапки „нѣтъ. Всплеснулъ дѣдъ руками, какъ вспо-

---

легкая его занесла въ Конотопъ, лежащій 30 верстъ назадъ, — совсѣмъ въ противную сторону.

„мнилъ, что вчера еще помѣнялись они на „время съ Запорожцемъ. Разумѣется, шапка„ми. Вотъ тебѣ и Гетманскій гонецъ! Вотъ „тебѣ и привезъ грамоту къ Царицѣ!“ Послѣ многихъ совѣщаній съ чумаками, также ночевавшими въ шинкѣ, дѣдъ принужденъ былъ купить наставленіе у шинкаря, какимъ образомъ отыскать свою шапку.

Происшествіе сіе и наставленіе разсказано прекрасно, въ выраженіяхъ народныхъ, и наблюденіе повѣрій не упущено.

По наставленію шинкаря, дѣдъ, съ деньгами въ карманахъ, пробираясь ночью страшнымъ лѣсомъ, сквозь терновникъ, и попадая иногда на дорожки, какъ обыкновенно говорится въ сказкахъ, выбрался наконецъ на просторное мѣсто, и очутился близъ рѣчки, черной, словно вороненая сталь; на другой сторонѣ рѣчки брезжетъ огонекъ; пришедши къ оному, дѣдъ увидѣлъ возлѣ огня какія-то „смазливыя рожи,“ сѣлъ въ кружокъ, и послѣ долгаго молчанія, забравъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги, кинулъ ихъ въ середину сидящихъ. — Черти и вѣдьмы, — ибо это были онѣ, начали плясать. — „Дѣда, не смо„тря на страхъ весь, смѣхъ напалъ, когда „увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, „на Нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостиками, „увивались около вѣдьмъ“ (стр. 231). Соску-

часъ на бѣсовскомъ пиру, принялся онъ требовать своей шапки, которую и обѣщано ему возвратить, когда онъ сыграетъ съ вѣдьмами три раза *въ дурня*. Подали карты, началась игра, описанная мастерски. — Уже два раза проигралъ дѣдъ; но за третьимъ разомъ догадался перекреститься, и выигралъ; тутъ шапка бухъ прямехонько ему въ лицо; а потомъ и конь его явился передъ нимъ въ видѣ скелета. — Чортъ хлопнулъ арапникомъ, конь взвился и понесъ дѣда чрезъ пропасти и болота. „Въ какихъ мѣстахъ онъ „не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ „разсказахъ. — Глянулъ какъ-то себѣ подъ „ноги, — и пуще перепугался: пропасть! „крутизна страшная. — *А сатанинскому* „*животному* и нужды нѣтъ; прямо черезъ „нее. — Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. „Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ, и такъ хватился на „днѣ его о землю, что кажись и духъ „вышибло" (стр. 238) И такъ дѣдъ скакалъ *на сатанинскомъ животномъ*; но какъ онъ очутился на конѣ, — не извѣстно; сказано только, что чортъ хлопнулъ арапникомъ, и конь взвился: надобно догадаться, что на немъ сидѣлъ уже дѣдъ, полетѣвшій потомъ стремглавъ въ провалъ, гдѣ, „какъ „очнулся немного, и осмотрѣлся, то уже

„разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали „знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ „своей же хаты“ (стр. 238.) Снилось ли все сіе дѣду, или принадлежитъ были, Авторъ не поясняетъ; но первый, вошедши въ хату, видитъ, что жена его „сидитъ передъ греб„немъ, держитъ въ рукахъ веретено и сон„ная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши „за руку (кого?), разбудилъ ее: здравствуй, „жена! здорова ли ты? Та долго смотрѣла, „выпучивши глаза, и наконецъ уже узнала „дѣда, и разсказала, какъ ей снилось, что „печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою „горшки, лоханки....“ — „Ну, говоритъ дѣдъ, „тебѣ во снѣ, мнѣ на яву.“ — Симъ кончается сказка, занимающая болѣе трехъ четвертей небывалой были, включивъ въ листки сей послѣдней и вступленіе. По словамъ дѣда: „*тебѣ во снѣ, мнѣ на яву*,“ — должно думать, что чертовщина бабѣ грѣзилась, а дѣдъ въ самомъ дѣлѣ попалъ было въ пекло; но какъ онъ, полетѣвши стремглавъ въ провалъ, очутился, съ окровавленными руками, на крышѣ своей хаты, — Авторъ также не поясняетъ; а заставляетъ его „отдохнувши „немного, достать коня,“ (по этому коня его не шуточно скушали вѣдьмы съ чертями?), на которомъ онъ и доѣхалъ уже, не

останавливаясь, ни днемъ, ни ночью, до мѣста, и отдалъ грамоту самой Царицѣ.

„Тамъ навидѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что „стало ему на долго послѣ того разсказы„вать: какъ повели его въ палаты такія „высокія, что если бы хатъ десять поста„вить одну на другую, и тогда, можетъ „быть не достало бы. Какъ заглянулъ онъ „въ одну комнату — нѣтъ, въ другую — нѣтъ, „въ третью — еще нѣтъ — въ четвертой даже „нѣтъ; да въ пятой уже, глядь, сидитъ Сама, „въ золотой коронѣ, *въ сѣрой новенькой свит„кѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галуш„ки ѣстъ.* Какъ велѣла ему насыпать цѣлую „шапку *синицами* (*), какъ.... всего и выпол„нить нельзя. — Объ возьнѣ своей съ чер„тями дѣдъ и думать позабылъ.... и видно „уже въ наказаніе, что не спохватился тот„часъ послѣ случившагося съ нимъ чуднаго „происшествія освятить хату, бабѣ, ровно „черезъ каждый годъ, и именно въ то самое „время дѣлалось такое диво, что танцуется „бывало, да и только. — За что ни при„мется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ „и дергаетъ пуститься въ присядку.“

Такъ кончилась четвертая и послѣдняя

(*) Разумѣется ассигнаціями, кои введены въ Россіи слишкомъ за 60 лѣтъ.

повѣсть Пасичника Рудаго-Панька, въ Вечерахъ его на хуторѣ близъ Диканки. — Спрашиваю теперь: повѣсти ли это, или сказки, и идетъ ли названіе были, сказочкѣ: *Пропавшая грамота*?

Изображеніе Царицы въ сѣрой новенькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, которая кушаетъ золотыя галушки, почерпнуто Панькомъ изъ старой, но не древней шуточной выдумки о какомъ-то глупцѣ подобнаго-же глупца. — Плоская шутка сія такъ же стара, какъ и неприлична и неумѣстна. Она не забавна теперь для самыхъ простѣйшихъ слуховъ изъ поселянъ нашихъ.

И это Панько назвалъ былью?

Разсказъ его во всѣхъ четырехъ сказкахъ имѣетъ много забавныхъ сценъ; есть въономъ много остроты; нѣкоторыя народныя повѣрья наблюдены внимательно; слогъ, исключая высокопареній, довольно удачно приноровленъ къ описываемымъ предметамъ; но есть также вообще великіе промахи, которые и замѣчены мною здѣсь съ самымъ добрымъ намѣреніемъ.

Нѣтъ, любезный землякъ, не внимай, — безъ размышленія, похваламъ журнальнымъ, какія бы онѣ ни были, Русскія или иностранныя; не гордись тѣмъ, что тебя похвалилъ прославившійся Поэтъ, въ письмѣ, написан-

номъ имъ, можетъ быть, и не для печати; не довѣряй авторскому своему самолюбію; а выслушавши правду отъ почитающаго тебя и любящаго твою родину, земляка твоего, стараго Царыннаго (*), — пиши и впередъ, дай Боже, чтобъ писалось! написавши же что нибудь народное, пересмотри его внимательно, свѣрься съ нравами и обычаями той страны, о которой рѣчь идетъ, перечитай его съ разумнымъ тамошнимъ уроженцемъ, не лѣнись поправить, что признается нужнымъ, —и потомъ уже отдавай печатать. — Съ твоимъ перомъ можно много написать хорошаго, оригинальнаго, во славу свою и милой родины нашей. Соперниковъ на скудной литературной отечественной почвѣ не много ты встрѣтишь; иное дѣло, еслибы тебѣ вздумалось писать виршами, — а на прозу мало еще охотниковъ; она не дается, какъ-то, въ бо́льшемъ объемѣ одной тоненькой книжки. — И такъ, пока лѣнь и недосуги мѣшаютъ прозаическому наводненію

(*) Царыною въ Малороссіи называются сельскіе шлагбаумы; лѣтомъ устроивается около ихъ шалашъ, въ которомъ кочуетъ въ продолженіе всего лѣта старикъ, именуемый царыннымъ: его обязанность смотрѣть, чтобы всегда были заперты ворота, дабы скотъ изъ села не бѣжалъ въ хлѣба.

трудись, и неусыпность, при счастливомъ талантѣ, вознаградится отдохновеніемъ на душистыхъ миртахъ!

Многимъ, быть можетъ, покажется странно, что я о четырехъ коротенькихъ сказочкахъ написалъ такое длинное размышленіе. Быть можетъ нѣкоторые скажутъ, что сказочки сіи менѣе стояли трудовъ Автору ихъ, нежели мнѣ, разбиравшему оныя. На это я бы отвѣчалъ: что похвалы Повѣстямъ Пасичника Рудаго-Панька извѣстныхъ Литераторовъ-Журналистовъ, — противное тому замѣчаніе на Повѣсти одного изъ нихъ, и имя самого Автора, были причиною особеннаго любопытства прочитать книгу, въ которой я съ жадностію желалъ увидѣть родное, описанное землякомъ, знающимъ не по слухамъ народные нравы, обычаи и повѣрья той стороны, гдѣ я родился, и гдѣ желаю окончить дни мои. Съ ощущеніями сего, я прочиталъ Повѣсти Пасичника-Панька, нашелъ, что это сказки, но сказки, заслуживающія чтеніе. — Хотя, признаюсь, ожидалъ найти въ нихъ болѣе, нежели нашелъ въ самомъ дѣлѣ; но утѣшаюсь надеждою, читать со временемъ тщательнѣе отдѣланныя произведенія Панька, начавшаго писать нѣчто свое; а какъ ни одинъ изъ Гг. Литераторовъ-Журналистовъ не сказалъ о По-

вѣстяхъ Панька ничего, похожаго на рецензію, то я, не будучи Журналистомъ, для коего разборъ книги есть работа срочная, принялся охотно, въ свободное время, изложить о прочитанныхъ мною сказкахъ мои мысли, не какъ Авторъ ремесломъ, а какъ простой Малороссіянинъ, радующійся всему хорошему касательно родины, и сѣтующій на неудачныя попытки прозою и стихами изобразить нѣчто наше. Досадно было мнѣ читать въ томъ самомъ № 17 Телеграфа, въ которомъ помѣщено замѣчаніе *на Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ*, — *опытъ перевода Полтавы А. С. Пушкина, Поэмы, на Малороссійскій языкъ*. Переводчикъ ли (правильнѣе бы назвать перелагатель съ Русскаго на Малороссійское нарѣчіе, а не языкъ) или корректоръ Телеграфа, — но кто-нибудь изъ нихъ надѣлалъ столько ошибокъ въ словахъ, что даже слуху больно. — Напримѣръ:

По-нашему.	—	Напечатано:
скризь	—	скричь.
сребро	—	срибро.
бжилъ рій	—	рый.
стрій	—	стрый.
тогди	—	тогда.
полки	—	повки.

Напеч: *Въ зеленимъ луга безъ людей.* (1 куп. 4 стихъ) Слѣдовало: Въ зеленимъ лузи безъ людей. Напеч:

Не злотомъ богате Якимъ (1 куп. 13 строк.)
Слѣдов. Не золотомъ богатъ Якимъ.

Самое переложеніе не совсѣмъ удачно; напр. А лугъ такъ а-жъ *кишитъ* волами (1 куп. стих. 5.) — Слово *кишитъ* употребляется у насъ при изображеніи кучи, тьмы червей, и ни сколько нейдетъ къ изображенію стадъ рогатаго скота, или воловъ.

Перелагатель говоритъ (2 куп. ст. 7 и 8.)

„А все здавалось, оставался
Мазепа *кревнимъ* до Петра."

Кревнимъ значило бы роднымъ; какое же родство имѣлъ Мазепа съ Петромъ Великимъ?

Годы да праця зопсовалы.
У юго *Отаманьскій* духъ! (2. куп. ст. 11 и 12)

Что это за отаманьскій духъ? Я природный Малороссіянинъ, но истинно не понимаю.

Впрочемъ, стихи сіи, по переправкѣ ихъ, были бы лучше многихъ попытокъ въ семъ родѣ. Отъ перелагателя, и по самому уже прозванію *Москаля*, ибо если бы онъ былъ Малороссіянинъ, то прозывался бы не Гребенкинъ, а просто Гребинка, — не возможно требовать, чтобы онъ совершенно зналъ Малороссійское нарѣчіе и обороты языка, а потому замѣченныя мною ошибки ему и простительны. Охота, какъ говорится, пуще неволи! — Въ одинъ и тотъ же день

мнѣ случилось прочитать и переложеніе Поэмы Полтавы на Малороссійское нарѣчіе, и листъ: *Одъ Украинця до Ляхивъ*, писанный стихами же на семъ нарѣчіи Порфиріемъ Байскимъ. — Этотъ листъ упечатался на двухъ съ небольшимъ страницахъ (*), хотя во всякомъ между X строчіи можно бы свободно помѣстить еще по стиху, а между куплетами и по два; примѣчаніе же Автора къ сему *стихотворенію*: Листъ *одъ Украинця до Ляхивъ*, *толкованіе* и *словарь пояснительный*, заняли четыре страницы мелкой печати. Стихи стихами; но желалось бы знать, для кого они написаны? Ежели для насъ, Малороссіянъ, то словарь пояснительный намъ не подъ-нужду; если же вообще для Русскихъ, то врядъ ли кто будетъ имѣть терпѣніе выучить сперва словарь, чтобы потомъ понятно было чтеніе нѣсколькихъ Малороссійскихъ куплетовъ, незаключающихъ въ себѣ ни какой особенной высокой Поэзіи.

Не стану спорить, что *пащиковати* есть крамольничать, сплетничать; хотя слово сіе, сколько мнѣ извѣстно, и не употребляется въ настоящемъ Малороссійскомъ нарѣчіи; не стану увѣрять Г. Байскаго и въ томъ, что рыцарь, слово, употреблявшееся

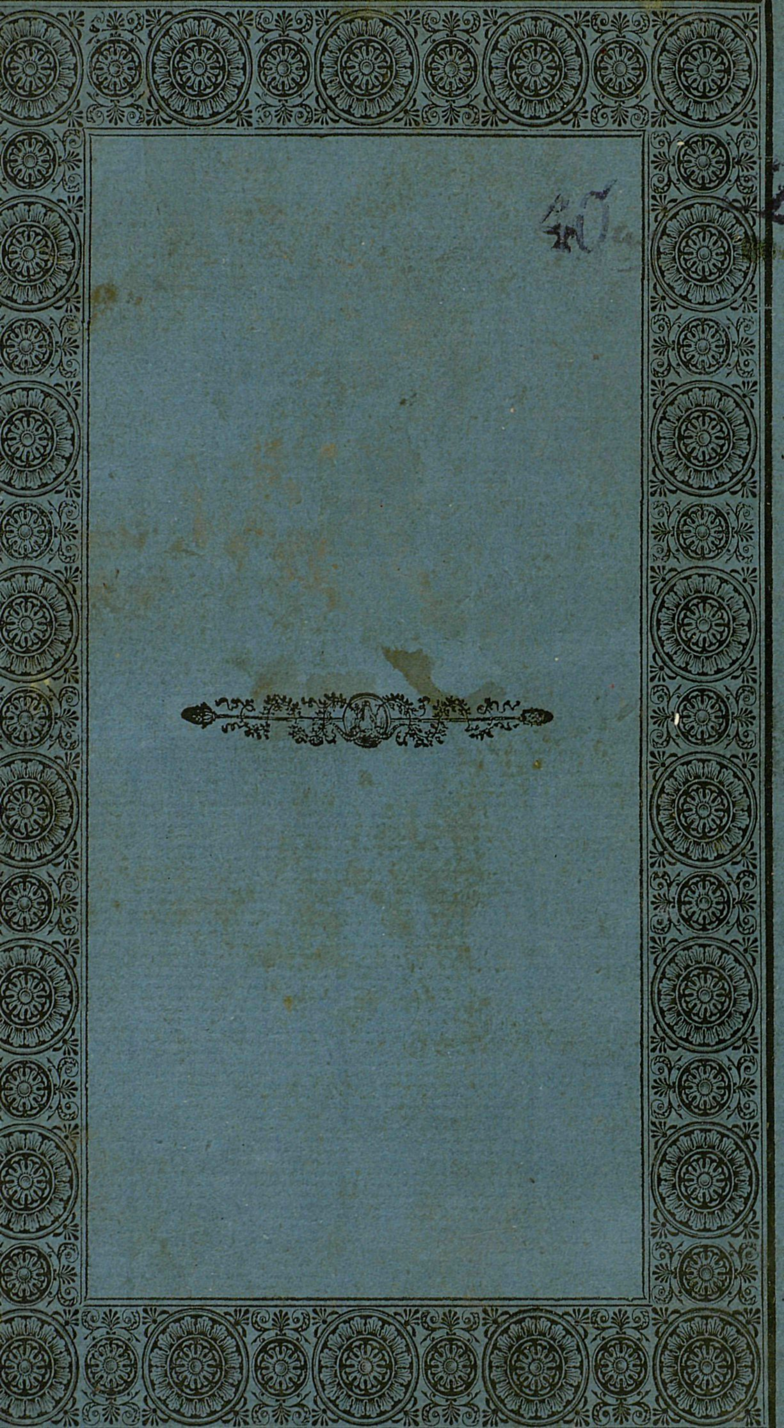
(*) Стихотвореніе сіе продается по два рубля во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

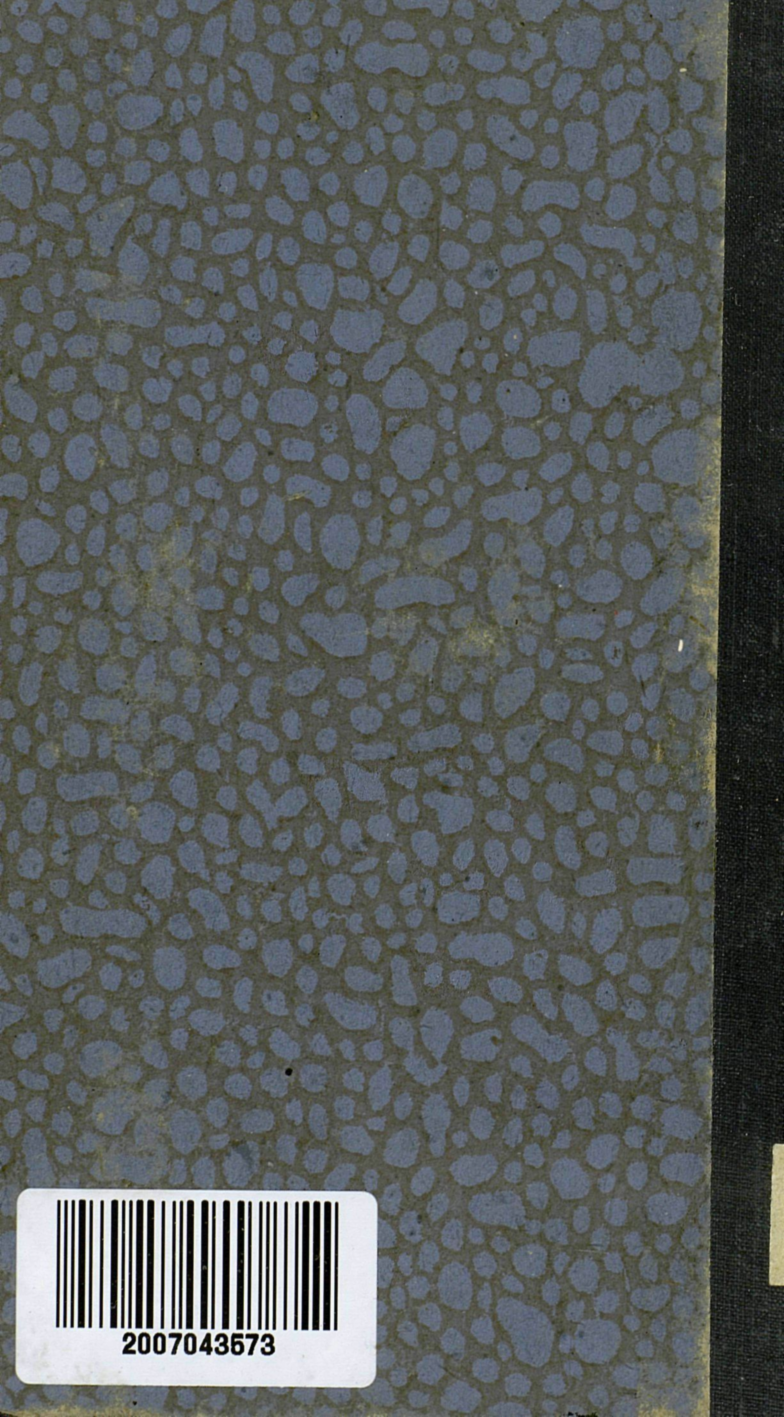
при Гетманахъ, въ чемъ онъ самъ можетъ удостовѣриться во всякой старинной Малороссійской военной рукописи, и что *лицарь* выговариваютъ одни картавые, косноязычные, подобно какъ, вмѣсто полки — *повки*, (какъ замѣчено выше о переложеніи Полтавы, Г. Гребенкинымъ); но да позволено мнѣ будетъ сказать откровенно, что стихи его не превосходны. — Въ этомъ ссылаюсь на всѣхъ Малороссіянъ образованныхъ, незабывшихъ нарѣчія родины, какихъ здѣсь въ столицѣ весьма много. — Впрочемъ, Г. Байскій повѣствованіями своими, относящимися къ Малороссіи, всегда радовалъ не только меня, но и всѣхъ читающихъ земляковъ нашихъ. Будемъ питать себя утѣшительною надеждою, что онъ и Пасичникъ Панько, у коего, по его же словамъ въ предисловіи къ Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки (стр. XIV), наберется уже матеріяловъ книжекъ на десять, подобныхъ вечеровъ, утолятъ пріятно жажду нашу къ чтенію оригинальнаго — отечественнаго.

Андрій Царыный.

4 Декабря.
1831.

Печатать позволяется:
Санктпетербургъ, Января 1 дня 1832 года.
Ценсоръ, В. Семеновъ.

2007043573